

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

<https://litres.ru/73887661>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эра нейросетей научила людей доминировать в Галактике, но не подготовила к встрече с «идеальным» врагом. Из пустоты пришла Константа. Она не ведет войн — она перерабатывает миры. Для неё Содружество — лишь избыточный ресурс, подлежащий переработке.

В мире, где новейшее оружие бессильно, а Искины впадают в оцепенение, судьба человечества оказывается в руках тех, кто привык полагаться на интуицию и технологии прошлого:

Полковник Виктор Голицын — ветеран, готовый сжечь сектора, чтобы остановить врага.

Глеб Тоцкий — аналитик Комитета по Внешним Угрозам, ищущий логику в экзистенциальном ужасе.

Дин МакФарес — кадет ВКС, которому суждено найти брешь в совершенном Порядке Константы.

Пока разведчик «Аргус» ищет ответы в межгалактической пустоте, а Комитет готовится ко встрече врага, человечеству

остается одно – нарушить симметрию Вселенной. Но какова цена равновесия?

Жесткий технотриллер в декорациях Содружества, где на кону не «прокачка» имплантов и скилов, а право оставаться живым человеком.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Рутинa Пустоты.	9
Глава 2. Бриллиант в рваной оправе.	17
Глава 3: Призрачный сигнал.	24
Глава 4. Полимерное надгробье.	36
Глава 5. Шепот мертвого гиганта.	46
Глава 6. Стерильный приговор.	53
Глава 7. Стальная головоломка агента.	60
Глава 8. Хищники гравитационных теней.	67
Глава 9. Порог апатии.	76
Глава 10. Золотой мальчик с красной кровью.	84
Глава 11. Обречённые крысы опаснее волков.	91
Глава 12. Раскаты памяти.	97
Глава 13. Первый симптом.	105
Глава 14. Чёрные жемчужины.	112
Глава 15. Протокол Константа.	119
Глава 16. Абсолютное табу.	128
Глава 17. Миг любви.	135
Глава 18. Фронтир в неоновых огнях.	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

Пролог

Безымянная система, затерянная в глубине неизведанного космоса, многие тысячелетия пребывала в ледяном безмолвии. Центральное светило – желтый карлик – миллиарды лет бесстрастно освещало этот закоулок вселенной. Его спокойствие нарушали лишь планеты, мерно летящие по устоявшимся орбитам, да кружащий астероидный пояс с миллионами тонн космической пыли, пойманной в гравитационные ловушки мертвых глыб. Лишь изредка идиллию нарушали незваные гости – крупные блуждающие астероиды и кометы, заглядывающие из глубин межзвездного пространства. Сюда никогда не пролегали торговые пути, и сканирующие лучи кораблей Содружества еще ни разу не касались этих девственных закоулков вселенной.

Из ниоткуда возник стремительный силуэт угольно-черного корабля. По его бортам пробежали фиолетовые волны возмущения защитных полей. Двухсотметровый рейдер, набирая скорость, взял вектор на центр системы. Его экипаж

выполнял особую миссию – вел разведку для дальнейшей экспансии своей расы, несущей Вселенной Абсолютный Порядок.

Внезапно Пустоту разорвали бесчисленные вспышки.

Пространство вокруг разведчика закипело. Из гиперпространства в непосредственной близости, ломая складки метрики и пренебрегая безопасностью, подобно саранче хлынул авангард Роя. Десятки обтекаемых, асимметричных кораблей-инсектов мгновенно перерезали векторы отхода, зажимая чужака в смертельное кольцо.

Космос наполнился смертоносным излучением, росчерками ракет и торпед разрушительной мощности. Защитные поля противников полыхали, принимая на себя сокрушительные удары. Броня неизвестного судна плавилась и кипела от попаданий биолучевого оружия инсектов. Хитиновые панцири Роя раскалывались или исчезали прямо на глазах, выбрасывая в вакуум замороженные биологические останки.

Пришелец пустил в ход главный калибр – биогауссовы курсовые установки. От попадания снарядов несколько крейсеров инсектов развалились на части, фонтанируя мгновенно закипающей гемолимфой и шлейфами замерзающих газов.

Бой был коротким и яростным. Чужое судно — шедевр инженерной мысли, представлявший собой монолитный симбиоз живого металла, переплетенных кристаллических жил и органических тканей — отчаянно огрызалось

невидимыми лучами, вычеркивая врагов из реальности десятками. Но Рой брал безжалостным, сухим числом, заваливая одиночку массами своих биокораблей.

Противники схлестнулись как извечные, одержимые ненавистью враги. Они рвали друг друга без оглядки на возможность собственной смерти. Чужаки были слишком опасны. Рой ставил в приоритет их уничтожение, не считаясь с потерями. Инсектам требовалось время, чтобы завершить экспансию в человеческие миры. Дать время ульям-маткам разлететься как можно дальше по рукавам галактики. Встреча с древним врагом прямо сейчас могла погубить всю их цивилизацию.

Перекрестный залп тяжелых орудий Роя пришелся точно в центральную секцию разведчика Константы. Корабль содрогнулся. Страшный взрыв разорвал его пополам, обнажив внутренние конструкции, похожие на исполинский позвоночник древнего ящера. Кристаллизованные нити нервной проводки, заменявшие чужакам кабели, мгновенно заиндевели.

В вывернутой наизнанку ходовой рубке, где воздух улетучился за доли секунды, экипаж понял: спасения нет. Они не знали страха перед Пустотой. Их совершенная биология – симбиоз углеродной органики и сложнометаллических соединений – позволяла выдерживать ледяной вакуум без средств защиты. Каждый из команды умел управлять биологическими процессами, замедляя метаболизм и погружая

тела в анабиоз.

Действуя по аварийному протоколу, выжившие отсоединили биологические разъемы от выгорающих портов корабля. Четырехрукие трехметровые гиганты с иссиня-черной обсидиановой кожей и их маленькие спутники-гуманоиды закрыли глаза и сложили руки на груди. Экипаж погрузился в анабиоз, запечатывая искры жизни на десятилетия. Умирающий корабль, выполняя последний приказ, окутал их тела защитным биополем, перешел в режим жесточайшей экономии энергии и начал транслировать в пустоту едва уловимый, вибрирующий эхо-сигнал.

Инсекты методично собрали обломки собственных подбитых единиц, уничтожая любые технологические следы своего присутствия, опасаясь ответного удара извечного врага. Изуродованный, лишенный энергии остов чужака их больше не интересовал – миссия была выполнена. Крейсера Роя перестроились и беззвучно ушли в гиперпространство.

Система снова погрузилась в мерный сон. Разорванный корабль дрейфовал в гравитационной ловушке астероидного пояса более пятидесяти лет никем не обнаруженный. До тех пор, пока на противоположной окраине безымянной системы не зажглись зеленоватые искры чужого прыжкового двигателя.

Глава 1. Рутина Пустоты.

Объектив широкоугольной камеры оптического мониторинга, закрепленный под потолочной панелью ходовой рубки «Аргуса-091», бесстрастно фиксировал обстановку центрального поста. В кадр попадали три эргономичных кресла, расположенные полукругом перед главным проекционным экраном, и каскады приборных панелей, мерцающих в мягком янтарном спектре. Навигационные индикаторы отражали штатные показатели: энергосистема работала на тридцати процентах базовой мощности, гравитационные компенсаторы удерживали атмосферное давление в жилых отсеках. На восьмом месяце автономного рейда дальний разведчик Девятого экспедиционного флота Аратанской империи функционировал в режиме строгой экономии ресурсов. Камера фиксировала легкую серую пыль в углах инструментальных переборок, которую уже не успевали отфильтровать изношенные системы регенерации воздуха, и замена фильтров уже не помогала.

Старый корабль был верной рабочей лошадкой. Внешне он походил на угловатое, хищное копые с матово-серой броней, сплошь иссеченной глубокими шрамами от микрометеоритов и выжженной жесткими звездными ветрами. Внутри же «Аргус» представлял собой тесный лабиринт, где под нужды экипажа экономили каждый кубический сантиметр

пространства. Комфортом жертвовали безжалостно ради дополнительных топливных ячеек и резервных плат памяти.

В левом секторе рубки датчик сигнализировал о движении. Лейтенант Го Кан Тэ откинулся в ложементе навигатора, буквально утопая в каскаде зеленоватых голографических карт, и меланхолично жевал очередной энергетический батончик из сухого сублимированного рациона. Его пальцы при этом привычно и быстро порхали над физическими сенсорами, точно корректируя курс движения.

— Если по возвращении в цивилизованные сектора Содружества я увижу хоть одну банку армейского пайка, я расстреляю этот чертов синтезатор из ручного плазмера. Лично, в упор и с огромным удовольствием, — глухо подал голос лейтенант.

— Моя первая остановка на орбитальной станции «Новая Эрида» — нижний сектор аттракционов, у самых доков, — мечтательно продолжил лейтенант, прикрыв глаза. — Там в темных переулках есть один закрытый ресторанчик, «Старый По». Его держит один хмурый тип, по слухам — бывший штурман работорговцев, сбежавший от картеля. Так вот, я выверну карманы и съем столько настоящего, обжигающего ким-баппа и рисовых палочек току-покки, что меня придется заносить в лифт грузовой гравиплатформой. Настоящих, Артём! Из натуральных ингредиентов, которые привозят контрабандой с далекой дикой планеты, а не этой серой сублимированной пасты с химическим ароматизатором

«рис».

Капитан Артём Игнатов, лениво покачиваясь в массивном командирском ложементе, тихо усмехнулся. Он как раз изучал на громоздком планшете свежий отчет по состоянию главного реактора. Металлический корпус гаджета был исцарапан так густо, будто им долгие годы вскрывали консервные банки.

— Грузовую гравиплатформу и перерасход энергии на её работу придется оплачивать из твоих отпускных, Кан, — отозвался капитан, не отрывая взгляда от бегущих строк. — А я вот, признаться, мечтаю о самой простой, звенящей тишине. Знаешь, такой, где над ухом нет этого вечного, сводящего с ума гула систем жизнеобеспечения и вибрации ходовых реакторов. Сниму самый дешевый домик на Аркадии, у диких северных озер. Буду три недели просто сидеть на деревянном помосте и смотреть, как поплавок качается на воде. Говорят, туда завезли живую форель с какой-то дикой планеты. Невероятно редкая рыба. Пираты частенько таскают животных и семена с диких планет, продавая богачам за миллионы кредитов. Я читал об этой «рыбалке» в старых книгах и учебниках по выживанию для колонистов. Первобытный отдых, но мне чертовски хочется попробовать.

Камера зафиксировала открытие гермодвери. В рубку неторопливо вошла майор Анна Маркова — корабельный док и по совместительству мастер-оружейник. Она была в расстегнутом форменном кителе, под которым виднелась

простая, застиранная серая футболка.

— Опять вы о своих варварских развлечениях, капитан, — Анна заняла свое рабочее кресло оператора щитов и сенсоров дальнего действия. — Ваша Аркадия — это же тоска смертная. Я вот планирую взять полноценный тур на Ривьеру-Два. Белый искусственный песок под кварцевым куполом, запрограммированные морские волны и коктейли с бумажными зонтиками. И главное правило моего отпуска — ни одного предмета тяжелее бокала в радиусе мили.

— Ваше общее стремление к праздному, разрушительно-му гедонизму достойно отдельной, самой поучительной главы в моих будущих мемуарах, — раздался спокойный, чуть ироничный женский голос из центральных динамиков рубки.

Одновременно с этим в узком проходе между пультами материализовалась слегка колышущаяся голограмма женщины в строгом деловом костюме старого покроя и с виртуальным планшетом в руках — аватар корабельного искина Валери. Для визуализации цифровая дама выбрала образ тридцатилетней интеллектуалки в старомодных очках в роговой оправе. Этим нелепым, анахроничным аксессуаром она ненавязчиво подчеркивала свое ментальное отличие от обычных людей. Сама Валери отождествляла себя с независимой писательницей-публицисткой, вынужденной путешествовать в глубоком космосе с «этими неотёсанными мужланами» исключительно ради того, чтобы собрать уникаль-

ный материал для великой хроники экспансии Аратанской империи.

В регулярном линейном флоте подобные психологические выверты искусственного интеллекта пресекли бы военные инспекторы при первых же признаках. Но «Аргус-091» был исследовательской единицей, заброшенной в глухие сектора на долгие месяцы. Ради психологической устойчивости трех человек в условиях абсолютной изоляции искину намеренно открыли расширенные матрицы эмпатии и саморазвития. Функционал Валери, конечно, оставался жестко ограничен протоколами безопасности, но команда, которую искренне забавляли её литературные опусы, прощала виртуальной спутнице мелкие капризы и никогда не докладывала о них при плановых проверках.

— Валери, дорогая, ты опять подслушиваешь наши разговоры? — Анна Маркова вывела на свой монитор показатели телеметрии.

— Я не подслушиваю, Анна, я провожу контролируемое полевое исследование психологического состояния офицеров в условиях длительной сенсорной депривации, — отозвался искин, имитируя привычку поправлять очки. — Кстати, Артём, если вы действительно надеетесь на уединение, спешу вас расстроить. В моих базах данных есть информация, что на Аркадии сейчас начинается сезон миграции местных певчих жаб. Уровень шума на побережье доходит до восьмидесяти децибел. Ваша идиллия превратится в тра-

гедию в трех актах, как только вы откроете дверь флаера.

Игнатов громко фыркнул, раздраженно отмахиваясь от голограммы, которая так бесцеремонно разрушила его планы на идеальный отпуск.

Шестые сутки работы в этой системе подходили к концу. Экипаж буквально выворачивал сектор наизнанку, методично протоколируя каждый крупный булыжник. Кан Тэ проводил первичную картографию, выстраивая трехмерную модель гравитационных колодцев, чтобы будущие торговые караваны Содружества не влетели в неучтенный астероидный пояс.

Анна в это время пыталась чувствительные датчики дальнего действия, проводя экспресс-анализ планетоидов и минеральный состав астероидных полей.

— Вторая планета — пустая порода, силикаты, — сухо комментировала она, вбивая данные в реестр. — А вот третий газовый гигант... Валери, подтверди показатели. У луны «4-В» богатые залежи палладия и изотопов гелия-3. Промышленная ценность — категория «А-минус». Горнорудные корпорации из центральных миров передерутся за право аренды.

— Подтверждаю, Анна, — отозвался искин. — Глава шестая моей хроники: «Золотая лихорадка в неизвестности».

Артём Игнатов скоординировал этот поток данных и лично запечатал итоговый отчет криптографическим ключом. К вечеру по корабельному времени терабайты данных бы-

ли подготовлены к отправке с буюм связи через гиперпространство. Система официально классифицировалась как перспективная для промышленной добычи ископаемых. По возможности колонизации планет системы – бесперспективная и необитаемая.

— Всё, — Кан Тэ с громким хрустом потянулся в кресле, разминая затекшую шею. — Заключительная компиляция завершена. Отправка пакета на автоматический буй связи. Разведка закончена, капитан.

— Хорошая работа, — Артём устало провел ладонью по лицу, чувствуя жесткую щетину. Майору Игнатову недавно перевалило за седьмой десяток, и на фоне молодых членов команды – недавних курсантов – он чувствовал себя бывалым космическим волком. Его врожденная требовательность позволяла команде поддерживать дисциплину в долгом походе.

— Валери, курс на выход из гравитационного колодца. Прогрев маршевых. Предстартовая проверка гиперпривода.

Корабль плавно изменил вектор движения, подергивая соплами маневровых двигателей, и начал стремительно набирать скорость. По плану экспедицию ждали последние две неизведанные системы и путь домой к долгожданному заслуженному отпуску.

— Провожу проверку прыжковых двигателей. Достижение скорости перехода через десять минут, — голос Кан Тэ мгновенно стал профессионально-сухим. — Капитан, фик-

сирую прыжковый вектор. Сектор 4-12, следующая система — X-Зета-19/3.

— Принято. Анна, переведи турели в режим ожидания, проверь накопители. Прыжок по готовности.

Пространство перед «Аргусом» начало стремительно искривляться, далекие звезды превратились в смазанные, расплывчатые неоновые полосы. По корпусу прошла еле заметная вибрация от запуска мощного прыжкового двигателя, и разведчик провалился в зеленоватое зарево гиперпространства.

Глава 2. Бриллиант в рваной оправе.

На обледенелой окраине системы X-Зета-19/3 царило первозданное, ничем не нарушаемое безмолвие и холод. Крошечный, покрытый замерзшим метаном планетоид миллиарды лет плыл сквозь вакуум, оставаясь бесстрастным свидетелем абсолютной пустоты. Но в этот день темноту вакуума разорвала короткая, зеленоватая вспышка. Пространство на мгновение вывернулось наизнанку, и из схлопнувшегося гиперпространственного кармана бесшумно материализовался стреловидный корпус дальнего разведчика «Аргус-091». Подергивая маневровыми соплами, матово-серый корабль стабилизировал траекторию. Из маршевых дюз ударили факелы плазмы и пришелец начал свое равномерное погружение вглубь неизведанной звездной системы.

«Аргус-091» уже двое суток скользил по стационарной эллиптической орбите вокруг четвертой планеты. На главном обзорном экране ходовой рубки, занимая почти всё визуальное пространство, нежно сиял огромный голубой шар. Сквозь белоснежные кружева мощных циклонов отчетливо проглядывали очертания континентов, покрытых изумрудной зеленью. Планета медленно вращалась, подставляя теплым лучам желтого карлика свои бескрайние, девственные

океаны.

— Боже, это просто невероятно, — в который раз тихо выдохнула Маркова, не отрывая взгляда от данных спектрометрии. — Кислород — двадцать два процента, азот — семьдесят один. Гравитация просто идеальная — 0.94 от стандартной. Вода в жидком состоянии занимает почти две трети всей поверхности планеты. Это же настоящий класс «А-два-плюс». Рай в диком виде. Эта планета прекраснее Столицы...

— Корпорации глотки друг другу передерут за право долгосрочной аренды этого сектора и колонизации планеты, — у лейтенанта Го Кан Тэ от возбуждения блеснули глаза, пока его пальцы привычно выводили на голографический стол карты высот. — Капитан, за одну только наводку на эту малышку нам выпишут такую премию, что мои правнуки будут летать на личных яхтах и жить в центральном районе Столицы. Мы нашли родную сестру Аратана, которая не нуждается даже в дополнительной фильтрации воздуха.

— Кажется, я знаю, как назову главу восьмую моей хроники: «Колыбель жизни за рубежом миров», — раздался из динамиков довольный голос Валери. Её голограмма заморозленно подошла к самому краю проекции, глядя на вращающийся мир. — Планета девственно чиста. Ни одного структурированного радиосигнала. Никаких следов техногенной или разумной деятельности на поверхности и орбите. Благословенная тишина.

Экипаж работал в привычном, расслабленном ритме рутинного сбора данных. За двое суток вращение на орбите над девственными изумрудными лесами обнаруженной живой планеты напряжение долгих месяцев рейда отпустило людей. Казалось, что в этой спокойной сонной системе, породившей такой бриллиант, просто не может быть никаких опасностей. Капитан Игнатов уже мысленно подписывал рапорт об успешном завершении экспедиции, когда сенсорный комплекс дальнего обнаружения внезапно выдал резкий, прерывистый каскад тревожных сигналов высшего приоритета. На границе зоны обнаружения в правом верхнем углу проекции системы появился новый сигнал.

Панель перед Марковой вспыхнула предупреждающим багровым светом.

— Капитан, — голос Кан Тэ мгновенно потерял всю веселость, став сухим и растерянным. — Внешний астероидный пояс, сектор три. Активные радары зафиксировали маркер. Характеристики материала не соответствуют известным типам структур. Там тяжелые металлы и неизвестные сложные соединения. Датчики фиксируют излучение неизвестной природы... Оно вне привычного спектра техногенных излучений, больше похоже на биополе органических существ. Пульсирует в рваном ритме. Частота плавает – четко сигнал зафиксировать не получается.

Игнатов мгновенно подобрался, его хваленое ветеранское чутье, выточенное десятилетиями службы, заставило его на-

прячясь. Райская планета под ними внезапно показалась идеальной, смертоносной приманкой.

— Кан, аккуратно снимай нас с орбиты, — жестко командовал Игнатов, перехватывая штурвал ручного управления. — Идем на маневровых, прикрывая дюзы пассивными тепловыми экранами. Уведи корабль в тень вон того крупного астероида. Пусть нас надежно прикроет пара сотен метров монолитной породы. Валери, запуск разведывательных зондов «Око». Протокол «Стерильный контакт». Анна, бери на себя удаленное управление, работаем только пассивными сенсорами и оптикой высокого разрешения.

Дискообразные автоматические дроны бесшумно скользили в хаос астероидного поля, транслируя картинку на экраны рубки. То, что увидели разведчики, заставило всех нервно поежиться в ложементах.

В гравитационной ловушке, зажатый между безмолвными ледяными валунами, дрейфовал разорванный надвое двухсотметровый корабль. Это был пугающий остов, напоминающий полуразложившийся труп гигантского водоплавающего ящера с планеты Юртак. В месте страшного излома свисали заиндевевшие, кристаллизованные жилы похожие на сухожилия и сосуды. Обшивка, сохранившая обсидиановый отлив, напоминала толстую кожу носорога, покрытую панцирем. Но страшнее всего было то, что находилось рядом с обломками.

В ледяном вакууме дрейфовали тела. Оптические лин-

зы зонда «Око-1» медленно, метр за метром приближали замерший экипаж, увеличивая изображение. Это были гуманоиды неизвестной расы: четырехрукие великаны ростом под три метра и существа с привычной анатомией ростом с подростка, застыли со сложенными на груди руками. Их лица без масок и дыхательных аппаратов выражали абсолютное, безмятежное спокойствие. На обнаженных затылках чужаков зловеще темнели открытые биологические порты. Вокруг них пространство едва заметно колыхалось, искажая свет далеких звезд — непонятное поле защищало тела от осколков астероидов и солнечного ветра.

— Капитан, — голос Валери задрожал, а её голограмма пошла цифровыми полосами помех. — Излучение вокруг тел... оно агрессивно воздействует на мои логические блоки, искажая массивы данных! Я теряю стабильность матриц!

— Помехи нарастают по экспоненте! — выкрикнула Анна, её пальцы отчаянно летали над сенсорами, пытаясь удержать контроль над дронами. — Связь с «Ока-1» потеряна, зонд не отвечает на запросы, телеметрия еще поступает, но сигнал затухает! Это излучение реагирует на приближение искусственных объектов! Оно уже дотягивается до внешних контуров нашего корабля!

«Аргус-091» ощутимо содрогнулся. По приборным панелям и внутренней обшивке рубки побежали колкие статические разряды, от которых волосы вставали дыбом. Давящее аномальное поле неизвестной расы вызвало острую го-

ловную боль у людей, привыкших жить с нейросетью – компьютером в голове.

— Уводи корабль! Полный назад! — рывкнул Игнатов, решительным движением выжимая аварийный рычаг, отключая от управления искин и переводя корабль в ручной режим. — Выходим из пояса по баллистической траектории, пока эта волна окончательно не сожгла процессоры системы и наши мозги!

Маршевые двигатели разведчика взревели на пределе мощности, выбрасывая ослепительные километровые факелы плазмы из дюз и яростно выталкивая корабль прочь от опасного места.

Голубой шар Сестры Аратана всё еще маняще сиял в стороне, на четвертой орбите. Но теперь этот мир казался не новым Эдемом, а предвестником катастрофы.

— Мы должны немедленно уходить и доложить в Штаб флота и Комитет по внешним угрозам о находке, — Артём тяжело выдохнул, стирая холодный пот со лба. Руки ветерана на рычагах управления слегка дрожали. — Что по данным сенсоров?

— Корабль чужаков – это биометаллическая структура, симбиоз органики и металлов. Я не фиксирую никаких кремниевых чипов или биопроцессоров. Корабль не имеет единого вычислительного центра. Поле скорее всего защитное, но воздействует на всю электронику, в том числе на нанороботы, – доложила Маркова.

– Если флот таких кораблей придет в сектора Содружества... наш извечный враг — Рой — покажется нам малолетней шпаной, — высказал общий страх и опасения Игнатов. — Валери, прыжковый вектор на базу. Все данные на буй и запускай его немедленно. Рисковать информацией такого рода недопустимо.

Глава 3: Призрачный сигнал.

Ремонтник третьего разряда Ник Соболю-Вар висел на сенсорной мачте в полукилометре от обшивки станции «Рубежа-12», опоясавшись страховочным фалом, восстанавливая перебитый метеоритом релейный кабель. Отсюда, из ледяной пустоты, пограничная станция Аратанской империи ничем не напоминала элегантные орбитальные города центральных миров Содружества. Этот грубый утилитарный монстр, побитый временем, изъеденный солнечными ветрами, покрытый шрамами сварных швов, заплат и вмятинами от приграничных стычек, медленно вращался на фоне багрового, тревожного сияния туманности Медузы. Здесь, на самой кромке обжитого человечеством космоса, лоск уступал место въедливой мазутной гари и запаху окалины, которые Ник чувствовал даже через фильтры скафандра, едва возвращался в шлюз. Как ни старались системы регенерации, воздух все равно отдавал этими въевшимися в сознание запахами с кислинкой чужой, накопившейся усталости.

Тишины в этих секторах не бывало никогда. Фронтир, несмотря на официальные заявления правительств об отсутствии боевых действий, кишел черными мусорщиками, мародерами и пиратами всех мастей. Эти стервятники пустоты кружили над заброшенными кладбищами старых сражений. Они тащили всё: от уцелевших артиллерийских боеприпа-

сов до редких изотопов и полусгоревших плат памяти, за которые на черном рынке платили хорошие деньги. Ситуацию усугубляли вечно грызущиеся в междуусобице Вольные Баронства, да аварские кланы, желающие потренироваться в стрельбе по мирным кораблям торговцев.

Для полковника Виктора Голицына каждый патрульный выход превращался в боевой поход и был личным вызовом. Он старался предотвратить попадания старого военного железа на черный рынок. Любая такая игрушка на окраинах империи была способна дестабилизировать весь сектор, погрузив Фронт в хаос анархии.

Голицын шел по центральному переходу жилого модуля, и металлический палубный настил гулко разносил звуки шагов от его тяжелых армейских сапог. В свои восемьдесят два года полковник казался живым, незыблемым памятником ушедшей эпохи: высокий, широкоплечий, с суровым лицом цвета базальта, иссеченным глубокими морщинами. Базовая медицина Содружества и регулярные посещения медкапсул после ранений позволили ему выглядеть на крепкие пятьдесят. Полковник принципиально откладывал процедуру глубокого омоложения, которая возвращала телу юность. Виктор словно боялся, что вместе со старостью регенерационные капсулы выжгут из его памяти ментальную связь с далекой Землей. В центральных системах Содружества встретить человека с седыми висками было невозможно — там все превратились в вечно молодых андрогинов. Но здесь во Фрон-

тире, на «Рубеже-12», ценилась не гладкая кожа, а опыт и нестигаемая воля.

Вик – так его окрестили работорговцы-аварцы – был одним из тех «землян», чье отрочество закончилось в трюме работорговцев. Тогда его, пятнадцатилетнего мальчишку, вывезли с родной планеты, безжалостно перепродавали и бросали из системы в систему. Три года каторжного ада на аварских рудниках навсегда вытравили из него легкомыслие. Чувство долга перед империей Аратан, солдаты которой освободили его из рабства, стало для Голицына религией.

Он прошел через адские десантные операции против Роя, потерял сотни боевых товарищей. Боевой офицер с его полслужным списком давно бы носил на погоне генеральские звезды, но его карьеру разрушила неискоренимая привычка резать правду-матку прямо в глаза любому начальству и отсутствие родственных связей. И теперь полковник отдавал свой долг тут – на забытой богом и адмиралами приграничной станции.

Через год-другой Виктор всё же планировал пройти курс омоложения, чтобы оставаться в строю, но душой он всё еще стремился быть самым собой — обычным человеком с планеты Земля, стареющим и мудрым.

— Опять хмуришься, Вик? Будто у тебя в ремонтном ангаре стоит не ударный эсминец, а бочка с гремучей ртутью, готовая разнести половину сектора, — прервал его раздумья полковник Марис Клавец, комендант станции.

Старый армейский друг Голицына стоял в дверях, встречая сослуживца. Их дружба ковалась в пламени сражений полувековой давности, когда они были плечом к плечу совсем зелеными юнцами вставали на пути полчищ Роя. Благодаря процедурам регенерации с лицом двадцатипятилетнего Марис годился Виктору в сыновья. Однако левая рука коменданта была заменена массивным механическим протезом старой модели.

Клавецу не повезло в одном из последних сражений с Ро-ем. Ему крепко досталось. Были повреждены нервные узлы. Из-за жестокого боя эвакуировать раненого вовремя не смогли, и капсула-регенератор оказалась бессильна. Восстановить конечность не смогла даже современная медицина. После той войны осталось много половинчатых бойцов. Вот и Клавец, получив свой протез, остался верен старой гидравлике, сохраняя память о войне и оставшихся там сослуживцах, отказавшись позже заменить его на совершенный биоимплант – практически точно копии настоящей конечности.

— Мусорщики снова активизировались в районе Трои, — Виктор переступил порог и тяжело опустился в потертое кожаное кресло, ощущая каждую, полученную за годы службы, рану. — Пытались вскрыть обгоревший остов старого фрегата. Искали термобарические заряды для торпедных аппаратов. Представляешь, что устроят пираты на торговых путях, если получают в свои руки такое оружие?

— Представляю, — Клавец поморщился. Он достал бу-

тылку старого бренди с Новой Эриды из сейфа и плеснул напиток в два увесистых бокала. Один он подтолкнул в сторону Голицына.

Кабинет коменданта больше напоминал склад военных трофеев: на полках и стенах, выставленные на показ, лежали куски хитинового панциря, обгоревшие навигационные планшеты, старые гильзы от скорострельных орудий и голофото бойцов, многих из которых уже давно нет в живых. Воздух здесь был насквозь пропитан запахом старой кожи и табачного дыма от стиков.

Комендант мог позволить себе расслабиться только на короткое время затычки. А регулярные посещения медицинской капсулы снимали все негативные последствия.

— Вторая эскадра ушла на проверку сигнала шахтеров о чужаках на дальней границе нашего сектора. Скорее всего, опять контрабандисты не поделили жилу и пугают друг друга старыми корытами, но игнорировать вызов нельзя. Третья в регулярном патруле границ с Аварских халифатом — беспокойно там сейчас. На несколько дней ты здесь за главного пожарного, Вик. Как много времени надо чтобы привести твои корабли в порядок?

— На «Грозном» меняют эмиттеры силовых щитов. На последнем патрулировании не обошлось без стычки с аварцами. Нужно хотя бы сорок восемь часов, чтобы люди отдохнули, а техники закончили работу и откалибровали орудия главного калибра. Ну пополнить боекомплект в артиллерий-

ских погребках необходимо... Часов двадцать точно понадобится.

Они просидели еще час, обсуждая острую нехватку квалифицированных инженеров и техников, которые предпочитали более спокойные внутренние системы Содружества, вечную задержку поставок комплектующих. Это был обычный вечер на пограничном аванпосте Фронтيرا — тишина, которая никогда не бывала абсолютной.

Чтобы лично проконтролировать ход ремонтных работ, Голицын спустился на ангарные палубы. Синие вспышки сварочных дронов отражались в матовой броне боевого корабля, создавая причудливую игру теней на обшивке станции. Тяжелые автоматизированные манипуляторы, похожие на лапы гигантских пауков, бережно удерживали многотонный корпус, пока техники вскрывали панели и проводили юстировку узлов. Силовые щиты «Грозного» были полностью погашены для замены эмиттеров. В такие моменты корабль оставался наиболее уязвимым для всякого мусора, поэтому автоматические системы противокосмической обороны станции работали с максимальной нагрузкой испепеляя любой обломок, приблизившийся к ремонтной зоне.

Виктор Голицын стоял на обзорной палубе, наблюдая за процессом. Его эскадра была его единственной семьей. Экипаж эсминца составлял всего двенадцать человек — элита, каждый из которых стоил десятка других операторов. Но основной страх пиратов скрывался в десантном отсеке: при-

командированная абордажная партия из восемнадцать бойцов в тяжелых экзоскелетах и двадцать четыре штурмовых кибера. Эти машины убийства сейчас застыли в своих зарядных боксах, проходя диагностику нейромодулей. Плановое обслуживание после рейда требовало времени, и в случае тревоги оперативно стартовать могла лишь группа быстрого реагирования, которая уже ушла по вызову. Случись что и «Грозный» сможет покинуть док не ранее чем через сутки работы техников.

— Полковник, установка новых эмиттеров на левом борту практически завершена, — доложил по нейролинку старший техник смены. — Юстировка займет еще пару часов. Советую провести дополнительную калибровку параллельной работы. Это повысит эффективность и возможность точной настройки.

— Принято, — Вик сверился с графиком. — Десанту — начать проверку снаряжения и личного оружия. Киберов не трогать до завершения тестов и зарядки.

Рутина текущего ремонта была прервана.

Над станцией, заставляя вибрировать декоративные панели, взревели пронзительные баззеры. Вспыхнул багровый свет боевой тревоги. Электронный голос автоматической системы оповещения бесстрастно отчеканил: «Внимание всем постам. Тревога. "Код-Один". Всем занять места согласно боевого расписания».

Этот вой буквально вгрызлся в череп, заставляя людей

ускоряться. В голове Голицына мелькнула короткая мысль: «Накаркал». Гермодверь обзорной палубы с шелестом отъехала и в проеме показался взволнованный комендант. Его механическая рука издавала тревожный гул от избыточного давления.

— Так и знал, что ты здесь! — прохрипел Клавец. — Из системы Берилл-05/5 получен сигнал «SOS-Критический» от рудного конвоя корпорации «Гефест». Сектор 7-Г. Нападение. Наш пост принял их экстренную подпространственную передачу. Слушай.

Марис ткнул пальцем в экран армейского планшета. Из динамиков повалил плотный поток радиостатики, сквозь который пробивался голос, полный ледяного, почти неживого ужаса. Капитан тяжелого транспорта «Рамус» не кричал — он шептал, и этот шепот, прерывающийся от хрипа, был страшнее любого крика:

«...объект появился прямо перед нами из ниоткуда! Слышите? Никаких возмущений пространства или гиперпространственных аномалий!.. Одиночный корабль... черная жемчужина!.. На запросы идентификатора не отвечает! Идет нам на перерез!.. Силовые щиты активированы, но его излучатели просто проходит сквозь него, щиты бесполезны! Он стреляет... это не снаряды. Что за черт!.. Обшивка просто исчезает! Это кон...»

Запись оборвалась страшным, оглушительным грохотом разрываемой и скручиваемой стали и взрывной декомпрес-

сии, после чего в динамиках воцарилась мертвая тишина. Голицын почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок, которого он не ощущал со времен войны с инсектами.

— Внимание всем службам! — голос Голицына по закрытому каналу штаба был подобен удару кнута. — Полученную информацию засекретить. Ввожу "Протокол Сокрытия: Грейд-1". Все переговоры по внутренним защищенным кабельным сетям в режиме полного радиомолчания. Никаких утечек в гражданские сектора! Что-то меня насторожил этот капитан, Марис, — уже тише добавил Виктор.

Оба полковника прекрасно понимали: если по станции поползет слух о неизвестном враге, который игнорирует силовые щиты, в гражданских секторах начнется панический хаос.

— Вик, сигнал пришел с задержкой, — полковник Клавец наморщил лоб, настраивая планшет. — Факт гибели конвоя уже зафиксирован. Спасать там, скорее всего, уже некого, мы физически не успеем. Но необходимо проверить и разобраться что же все-таки произошло. Не нравится мне эта запись — трудно поверить во все это... Когда эскадра сможет стартовать?

— Мы выйдем, как только закончат ремонт и корабли смогут сражаться. Переводи техников на авральный режим работы. Срок готовности — восемь часов, — Виктор быстрым шагом направился к выходу. И уже по экстренному каналу связи со своими бойцами начал раздавать приказы: Де-

санту — проверка амуниции и скафандров. Погрузка на борт через семь часов тридцать минут по штурмовому протоколу. Боевых киберов активировать прямо на платформах. Надеюсь, успеют закончить их проверку. Единицы, которые не успеют ее пройти остаются в ангаре.

— Это же жесткое нарушение протоколов безопасности! — крикнул Марис ему вслед, но уже активировал на своем терминале коды авральных инженерных работ.

Срезать время сложнейшего технического ремонта боевого корабля в три раза оказалось задачей на грани человеческих возможностей. Через восемь часов фрегаты пограничной флотилии уже отстыковались и замерли в пустоте у корпуса станции. А эсминец «Грозный» всё еще удерживался магнитными захватами ремонтных стапелей. Инженеры отчаянно вымаливали у полковника каждую дополнительную минуту.

Внутри эсминца творился контролируемый хаос. Десантники в тяжелой броне бежали по коридорам, гремя снаряжением и занимая места в предстартовых разгонных капсулах. Штурмовые киберы, пробуждаясь от программной спячки, синхронно поворачивали безликие металлические головы, и их оптические датчики наведения вспыхивали холодным алым светом. Техники в доке, работая на пределе сил, лихорадочно крепили последние листы внешней брони и на ходу прописывали алгоритмы для только установленных эмиттеров щитов.

— Десятиминутная готовность! Мы сделали всё, что могли, полковник, Сэр! — С опозданием в двадцать минут доложил старший техник смены.

— Вахтенный, начать предстартовую проверку всех систем! — скомандовал Виктор, решительно занимая массивное командирское кресло на возвышении в центре боевого поста. — Скат, расчет прыжка в систему «Берилл-05/5». Точность выхода: один. Дистанция: плюс одна тысяча километров.

— Расчет вектора прыжка окончен, — отозвался искин Скат. Его синтезированный голос прозвучал из потолочных динамиков рубки без малейших интонаций. — Рекомендуемый вектор разгона обозначен на тактической проекции. Корпус зафиксирован магнитными захватами дока — выход на вектор разгона невозможен.

— Жди команды, — полковник поерзал в ложементе, поправляя страховочные ремни. — Вахта, готовность к старту пять минут. Передать расчетные траектории на фрегаты. Выйти на вектор разгона. Объявить по кораблю готовность «Раз». Команде — по местам стоять! Уход в гипер по расчетному времени.

Когда последний техник покинул ремонтный док, «Грозный» медленно высвободился из магнитных тисков. Сварные швы на внешней броне еще остывали, излучая в пространство слабое призрачное свечение, а откалиброванные в спешке эмиттеры ощутимо вибрировали, слегка искажая за-

щитное силовое поле. Следом за флагманом на курс встали фрегаты «Стремительный», «Вега» и «Коршун».

— Выход на вектор разгона, — тихо скомандовал Виктор, мгновенно входя в привычный ледяной боевой ритм. — Гипер — триста секунд.

Пространство перед кораблями Аратана исказилось, полыхнуло зеленовато-белыми искрами, и флотилия ушла в прыжок, оставляя «Рубеж-12» в тревожном ожидании. Цена аврального ремонта могла оказаться высока, но судьба уже сделала свой ход.

Глава 4. Полимерное надгробье.

Выход пограничной эскадры из гиперпространства в системе Берилл-05/5 сопровождался яростными вспышками, а по системе прошла волна гравитационного возмущения.

Из-за авральной работы техников и поспешной калибровки навигационный комплекс «Грозного» выдал неизбежную погрешность в несколько тысяч километров. Эсминец вывалился в реальность с оглушительным гравитационным стоном конструкций, который чувствовался на уровне костного мозга. Следом, с интервалом в секунды, из окна гиперперехода вынырнули три фрегата. Они мгновенно разошлись широким веером, согласно боевому ордеру «Охотник», активно нагнетая защитные поля и переводя турели в режим ручного контроля пространства.

Полковник Виктор Голицын, пристегнутый к командирскому ложементу, тяжело выдохнул, сглатывая горький, химический привкус озона. Перед глазами все еще плавали мутные оранжевые пятна — побочный эффект нестабильного прыжка. Но гораздо хуже была резкая, сверлящая боль в затылке. Из-за спешной, грубой калибровки навигационных систем в момент перехода импланты и нейросети экипажа испытали мощнейший сингулярный удар. Виктор про себя пообещал устроить разнос инженеру ремонтной бригады по возвращении на базу.

На периферии зрения Голицына тревожно мерцали багровые строчки системных предупреждений: внутренний интерфейс сигнализировал о критической рассинхронизации ментальных контуров с бортовым вычислителем. Офицеры на мостике морщились, прижимая ладони к пульсирующим вискам. Прошло двое суток с момента гибели рудного конвоя корпорации «Гефест». Два дня, которые в суровых условиях Фронтира могли означать вечность.

— Доклад! — хрипло скомандовал полковник, преодолевая накатывающую тошноту. — Боевая готовность номер один. Развернуть сенсорную сеть в активном режиме.

На центральном обзорном экране развернулась трехмерная проекция ближнего космоса. Раздувшийся красный гигант, умирающее солнце системы Берилл-05/5, занимал добрую треть небосвода, заливая рубку и лица офицеров тревожным, тяжелым светом цвета запекшейся крови. В этом мареве всё казалось нереальным, зыбким: длинные тени астероидов выглядели как провалы в бездну, а матовая броня кораблей эскадры отливала адским рубином. Обстановку усугубляли неотлаженные эмиттеры силовых щитов «Грозного». Их низкий, натужный вой заставлял переборки мелко вибрировать. Этот зуммер отдавался зубной болью и сбивал калибровку имплантов, многократно усиливая мигрень.

— Выход завершен, сэр! Имеется незначительный навигационный дрейф, — голос лейтенанта Равича, вахтенного офицера, дрожал от напряжения, пока его пальцы летали

по сенсорной консоли. — Эскадра готова к бою. Дистанция до точки последнего зафиксированного пеленга аварийного буя «Рамуса» двадцать семь тысяч километров. Системы стабильны, оружейные системы приведены в боевую готовность. Щиты на максимуме.

— Что на радарях? Дай мне картинку! — Виктор подался вперед, преодолевая накативший приступ мигрени.

— Сенсоры не фиксируют ни одного сигнала. Система абсолютно пуста, — оператор радарных систем лихорадочно щелкал настройки, но его терминал выдавал лишь цифровой шум фонового излучения звезды. — Мощность сканирующих систем на максимуме. Инфракрасный спектр без аномалий, гравиметрия чиста... Сигналов не обнаружено. Не вижу даже обломков. Никаких тепловых следов от реакторов, никаких высокочастотных излучений. Мы в системе совершенно одни, Сэр.

Голицын нахмурился, и его базальтовое лицо стало еще суровее. Внутри нарастало липкое беспокойство. Космос не может быть чистым после такой бойни. Пять тяжелых рудовозов и два корвета охранения — это сотни тысяч тонн титана, броневой стали, композитов и электроники. Если бы их разнесли в щепки, система на километры была бы забита искореженными обломками, кристаллизовавшимися газами и фонящими остатками реакторов. Но на экранах царила пугающая, хирургическая стерильность, противоречащая его многолетнему опыту.

— Идем малым ходом к точке последнего пеленга конвоя, — приказал Виктор, поудобнее размещаясь в ложементе. — Всем постам — максимальная бдительность. Десанту — красная готовность. Штурмовых киберов в режим ожидания.

Чем ближе корабли эскадры подходили к нужной точке в пространстве, тем больше странностей фиксировала чувствительная аппаратура. Главный обзорный экран выдал увеличенную, оцифрованную картинку.

Там, где космос должен был быть насыщен мириадами осколков и фрагментов кораблей в пустоте медленно расширялось полупрозрачное туманное облако частиц, рассеивающих багровый свет умирающей звезды.

— Спектральный анализ этой туманности! Срочно! — рявкнул Вик. — Скат, классифицируй аномалию впереди.

— Обнаружено облако микрочастиц... — с секундной задержкой, отозвался Скат. — На девяносто восемь... процентов состоит из полим-м-м... еров, — продолжил, запинаясь, бортовой искин (для удобства чтения текст идет без задержек — прим. автора). — Спектральный анализ показывает высокую концентрацию синтетических смол и полиэтилена. Молекулярный состав аналогичен веществам, использованным при строительстве кораблей Содружества. Органика, металлы и углерод в данном секторе содержатся в крайне незначительном количестве и соответствует фоновым значениям глубокого вакуума.

— Только полимеры?.. — Виктор медленно поднялся с кресла, его магнитные сапоги гулко простучали по металлу палубы. Он вглядывался в бегущие строчки данных. Командный имплант, обрабатывая потоки данных от искина, отзывался новыми вспышками боли. Голицын проигнорировал их. — А где металлы? Где куски бронеплит и силовые балки? Где, черт возьми, хотя бы одна долбаная заклепка?

— Цельнометаллические элементы отсутствуют, полковник, — повторил искин. — В самом центре полимерного облака фиксируется медленно затухающее остаточное излучение неизвестного генеза.

Виктор Голицын сжимал и разжимал кулаки, а после запустил руку в волосы. Это выходило за пределы военной логики. Рой безжалостно поглощал органику, но оставлял искореженную обшивку дрейфовать в пустоте. Пираты забирали груз и ценное оборудование, бросая команды замерзать в безвоздушном пространстве.

Неизвестный противник действовал принципиально иначе: металл будто поглотили без остатка. С таким полковнику, да и никому другому из людей, сталкиваться не приходилось. Это было непонятно и от этого пугающе.

Голицын предположил, что оружие чужаков волновое. В противном случае какие-то фрагменты от разрушенных кораблей все равно остались бы, разлетевшись под воздействием кинетической энергии. Чужаки провели жесткую ревизию, в которой и корабли, и люди оказались лишь упаковкой

при извлечении ценных материалов.

Теперь встает два вопроса: первый — как им удалось так чисто за собой прибрать и второй — куда они подевались? Сенсоры не фиксируют следов открытия гипертуннеля из системы последние четверо суток. Да и след входа в систему только от кораблей конвоя и их собственные. Эти загадки решить на месте не удалось, и Виктор решил оставить их для штабных аналитиков.

— Командующий, следов присутствия противника в системе не наблюдаем. Радары не фиксируют следов нарушения метрики пространства, — Равич медленно повернулся к командиру, его лицо выражало растерянность, а глаза налились кровью от нарастающего резонанса нейросети. Оборудование грозило вызвать тепловой шок нервных узлов. — Система не фиксирует следов гиперпереходов в отведенный промежуток времени, кроме отметок кораблей конвоя «Гефеста».

— Мы не можем уйти, так и не получив никакой информации о нападавших, — Голицын сжал кулаки так, что хрустнули суставы и несколько раз сильно зажмурился, отгоняя пронизывающую головную боль.

«Если Штаб получит рапорт о том, что семь кораблей бесследно исчезли без веских доводов о наличии инопланетного присутствия, они спишут всё на пиратов или банальную ошибку в расчетах навигаторов, заведших корабли в центр звезды. Я нутром чую, этих тварей стоит опасаться сильнее

Роя», – мрачно подумал Голицын.

– Вахтенный, приказ по эскадре... Отойти на расстояние в сто тысяч километров от излучающей аномалии. Начать по-секторное сканирование. Обыскать каждый астероид в системе, каждую глыбу крупнее истребителя. Ищите остаточное излучение, любую крошку чужеродного материала, за которую зацепятся наши аналитики. Выполнять.

Корабль послушно нырнул в сторону внешнего пояса астероидов. Вся команда с облегчением почувствовала, что головные боли начали ослабевать. Искин и системы электроники заработали в штатном режиме, избавившись от цифровых шумов и помех.

Следующие двадцать часов превратились для экипажей пограничной эскадры в изнурительный марафон. Корабли рыскали среди безмолвных глыб пояса астероидов, выжимая из реакторов терабайты энергии на работу поисковых устройств. Датчики показали: чем дальше эскадра углублялась в пояс, к границе системы, тем сильнее аномальное излучение туманности действовало на людей и технику. Судя по датчикам интенсивность его со временем снижалась, но воздействие оставалось весьма сильным.

На двадцатый час непрерывной вахты на мостике начался настоящий кошмар. Неоткалиброванные эмиттеры щитов вошли в резонанс со скрытым полем чужаков. Статические наводки усилились настолько, что по экранам поплыли фантомные изображения, а шрифты навигационных интер-

фейсов стали двоиться и искажаться. У операторов с прямым подключением через импланты начались галлюцинации и сбои в работе нейромодулей. Остальные же страдали от сильнейших головных болей и штатные аптечки уже не могли купировать эти проявления.

Перед глазами пилотов то и дело вспыхивали чужеродные символы, напоминающие причудливо переплетающиеся светящиеся нервные волокна. На периферии зрения по углам рубки мерещились размытые, многорукие фигуры гуманоидов, а на языке ощущался металлический привкус свежей крови — баг нейросетей, вызванный хаотичным сбросом данных в зрительные зоны коры головного мозга. Людей тошнило, острая мигрень сковала волю экипажа и рассеивала внимание, заставляя операторов по десятки раз перепроверять показания сканеров. Багровый, тяжелый свет звезды делал тени обманчивыми и жуткими.

Еще через несколько часов голос лейтенанта Равича стал совсем сиплым, безжизненным и сорванным:

— Сэр, приказ выполнен. Эскадра провела тотальное сканирование определенного сектора поиска. Система стерильна как после коллапса звезды. Не удалось обнаружено никаких следов присутствия кораблей нападавших, ни обломков. Зафиксировано только это расширяющееся облако полимеров в предполагаемой точке боестолкновения, которое прямо сейчас окончательно рассеивается под воздействием солнечного ветра. Больше здесь ничего нет.

Голицын медленно подошел к висевшей в центре рубки голографической проекции системы, зажимая пульсирующий от боли висок. Красная гигантская звезда заливала рубку своим кровавым, зловещим сиянием, окрашивая всё вокруг в багровые тона. В этом свете ветеран выглядел гораздо старше своих лет, на лице проступила смертельная усталость. Он только что осознал, что всё, чему его учили и опыт долгой службы, больше не работает. Что человечество столкнулось с чем-то необъяснимым, что заставляло его – ветерана, прошедшего мясорубку войны с Роем, чувствовать липкий холодок страха между лопаток.

— Они просто исследуют территории, — чуть слышно пробормотал полковник, глядя в багровую пустоту. — Проводят ревизию ресурсов и изымают их. Мы — лишь дешевая упаковка для ценного материала.

— Реакторы корабля работают в штатном режиме, активные сенсорные поля свернуты, — доложил искин. — Навигационный комплекс готов к прыжку. Жду координат выхода.

— Уходим на базу, — Виктор тяжело, со вздохом опустил-ся обратно в командирский ложемент, переводя в пассивный режим сбоящую нейросеть, чтобы прекратить пытку головной болью. Он даже не понял, что все время в системе стоял на ногах. — Курс на станцию «Рубеж-12». Лейтенант Равич, запишите в рапорте для Штаба сектора: противник обладает неизвестными технологиями молекулярного расщепления и поглощения материалов на значительной дистанции

с использованием, предположительно, оружия волнового характера воздействия. Признаков активности Роя в секторе не обнаружено. Угроза классифицируется как наивысшая, Корабль чужаков способен к мгновенному поглощению материи. Конец. Начинаем разгон.

Эскадра Аратана начала синхронный разгон, и через мгновение матово-серые корабли один за другим исчезли во вспышке гиперпространственного перехода, оставляя за собой стерильную, багровую пустоту. Эта абсолютная тишина кричала об опасности для человечества громче любого баззера боевой тревоги.

Глава 5. Шепот мертвого гиганта.

После первого шока, вызванного видом изувеченного биомеханического остова, в рубке «Аргуса-091» воцарилась рабочая атмосфера. Капитан Артём Игнатов, медленно выдохнув сквозь зубы, заставил себя разжать кулаки. Страх перед неизведанным — худшее испытание для офицера дальней разведки. Их находка способна в одночасье переписать академические учебники истории и изменить научные постулаты Содружества.

— Отставить панику, — голос Игнатова прозвучал сухо и властно. — Кан, удерживай нас в гравитационной тени астероида. Мы должны закончить разведку системы и самое главное – собрать всю возможную информацию об обнаруженном корабле и неизвестной расе. Валери, переведи все текущие и последующие записи в специальный архив. Весь массив информации по системе X-Зета-19/3 – под гриф «СЕКРЕТНО». Пусть большие чины в Адмиралтействе разбираются, что с этим делать дальше.

— Выполнено, капитан, — отозвался искин. Её голографический аватар теперь выглядел подчеркнуто собранным. Ироничный блокнот в виртуальных руках сменился мерцающим тактическим планшетом. — Глава одиннадцатая моей хроники: «Анатомия неизвестности». Я готова к официальному протоколированию.

На дистанционные исследования остова чужого корабля и оставшейся части системы потребовались долгие четверо суток. Это были самые напряженные часы в жизни экипажа, вымотавшие людей до предела. Помня о том, как мгновенно погиб первый дрон, Игнатов запретил любые физические контакты с обломками. «Аргус» осторожно кружил вокруг мертвой конструкции на безопасной дистанции в сто километров, используя всю мощь своих многочастотных сенсоров и оптических комплексов для проведения исследований.

Анна Маркова не покидала кресла оператора сенсоров. Её задачей был дистанционный экспресс-анализ с использованием всех доступных анализаторов — единственное, что они могли себе позволить, не рискуя подставиться под волновой удар. На исходе четвертых суток на границе периферийного зрения заморгал зеленый индикатор нейросети, сигнализируя о завершении обработки полученных данных.

— Капитан, результаты экспресс-анализа по телам малых существ готовы, — Анна вывела на центральный голографический терминал сложную, мерцающую гистограмму. — Это абсолютно за гранью нашего понимания биологии и всего, что есть в базах знаний по анатомии Содружества. Их кожа плотная, обсидианово-черная, она буквально насыщена тяжелыми металлами и сложнейшими углеродными цепочками. Это не просто естественная эволюционная защита от космической радиации. Их тела устроены как живые микросхемы. Кристаллизовавшиеся нервные окончания из сверх-

проводящих сплавов на молекулярном уровне проникают в живую плоть. Судя по всему, клетки тела также содержат разнообразные металлы в значительно большем количестве, чем у нас. Трудно сказать, чего в их телах больше: органики или соединений металлов.

— А что по гигантам? — Игнатов мрачно вглядывался в трехмерные макроснимки дрейфующих в вакууме четырехруких существ. В неверном свете звезды их обсидиановые тела отливали холодным свинцовым блеском.

— У них иная, невероятно плотная структура мышечных волокон. Плотность биологических тканей почти в четыре раза выше человеческой. Спектральный анализ выдает, что скелет существ состоит на девяносто процентов из металла. Я раньше не встречала такого строения организма. По сути, они имеют два скелета: один наподобие нашего, а второй — это своего рода панцирь из пластин непосредственно под кожей.

Но что меня действительно смущает и пугает — это биополе обоих видов. Даже мертвые тела имеют мощное биополе, сохраняя отчетливый остаточный резонанс. Их ДНК... Валери, помоги мне сформулировать, здесь не хватает стандартных медицинских терминов.

— Квантовая печать, — подал голос искин, протирая помутневшие линзы своих виртуальных очков, перемежаясь рябью цифровых помех. — Их генетический код не просто несет наследственную информацию, он на физическом уров-

не структурирует окружающее пространство вокруг себя.

— Да. Квантовая печать. Спасибо, Валери, — Анна продолжила свой краткий доклад. — Переходим к кораблю. Спектральный анализ обломков полностью подтверждает первоначальную догадку: металл и плоть здесь едины. Мои алгоритмы анализа не могут определить четкую границу, где заканчивается броневой сплав обшивки и начинается биологическая структура. Это совершенный симбиоз. Корабль выращен или построен по неизвестной технологии. Он чем-то напоминает бионический протез. Только не какой-то части тела, а всего организма за исключением мозга.

Лейтенант Го Кан Тэ в это время завершал картографирование системы. Его отчет по небесным телам и заманчивой изумрудной планете класса «А-два-плюс» теперь выглядел лишь блеклым, неважным фоном для главной, зловещей находки. Биополе чужаков давило на нервную систему навигатора, подключенного к датчикам корабля через имплант, и вызывало перед его глазами странные образы. Го Кан определил природу аномального излучения, которое так их взволновало вначале, а теперь уже пугало. Это был не осознанный сигнал бедствия или зов о помощи, а угасающий выброс энергии мощнейшей нейронной системы, которая продолжала медленно умирать вместе с искалеченным кораблем.

— Собрать физические образцы обшивки или тканей не удастся, — подвел итог Игнатов, глядя на то, как второй ис-

следовательский зонд «Око-2» едва не потерял ориентацию в пространстве, случайно попав в зону активного поля рядом с разломом чужого корпуса. — Любая попытка захвата даже крошечного фрагмента приведет к мощному резонансу, который просто выжжет нам всю бортовую электронику. Мы забираем только сухие цифры. Валери, сворачивай системы сканирования.

На исходе пятых суток работа была полностью завершена. В защищенных платах памяти искина хранились терабайты ценнейших, уникальных данных: детальные спектрограммы тканей, трехмерные проекции тел, модель корабля и схема сопряжения нервной системы чужаков с кристаллическими интерфейсами корабля, химический состав «живой» брони и поминутные записи тех самых волновых всплесков, которые намертво глушили связь и наводили помехи на нейросети при работе в сопряжении с системами корабля.

— Итоговый отчет сформирован, капитан, — Валери посмотрела на Игнатова серьезным взглядом цифровых проекций глаз, в которых бегали разноцветные пиксели помех. — Пакет зашифрован и подготовлен к отправке через автономный буй сверхдальней связи. Я приложила свои аналитические комментарии о потенциальной тактической угрозе. Согласно общим инструкциям Экспедиционного флота, я обязана классифицировать эту расу с формулировкой: «Наивысший приоритет. Неизвестный противник».

— Запускай буй, — устало скомандовал Игнатов, поти-

рая виски. — Готовь корабль к старту. Уходим отсюда. Дождаться подтверждения приема от ретранслятора не будем. Мы и так тут задержались неприлично долго. Если живые корабли этой расы где-то есть, они рано или поздно придут на этот «шепот» своих мертвецов.

Недавние радостные мечты экипажа об отпуске у тихих озер на Аркадии или ресторанах Новой Эриды теперь казались чем-то бесконечно далеким, зыбким и нереальным.

Тяжелый автоматический буй дальней гиперсвязи глухо отстрелился от борта и ушел в черноту космоса, набирая скорость для ухода в подпространство. Вместе со звуком стартовавшего буя из рубки будто откачали весь воздух. Люди непроизвольно начали сглатывать слюну, пытаясь избавиться от внезапного сухого спазма в горле. В наступившей гнетущей тишине каждому на мостике казалось, что за ними из темноты наблюдают тысячи невидимых металлизированных глаз.

— Кан, ложись на курс, — Игнатов тяжело опустил свое капитанское кресло, чувствуя груз ответственности за судьбу экспедиции и Содружества. — Конечная точка маршрута — база приписки «Орион». Выжимай из маршевых двигателей максимум. Идем на точку безопасного прыжка. Прыжок сразу по выходу на расчетный вектор.

— Слушаюсь, капитан. Разворот завершен. Курс на «Орион» зафиксирован в навигационном комплексе, — Кан Тэ торопливо забегал пальцами по невидимой для других чле-

нов команды виртуальной панели управления.

«Аргус-091» медленно отвернул матово-серый нос от изумрудной планеты, которая еще несколько дней назад казалась им новым Аратаном. Корабль начал мощный разгон, оставляя позади систему Х-Зета-19/3, превратившуюся из величайшего приза в предвестника грандиозного шторма галактического масштаба.

— Глава двенадцатая, — тихо произнесла Валери, глядя на удаляющиеся на экранах обломки чужаков, прежде чем её голограмма растаяла в воздухе. — «Возвращение вестников». Мы возем домой вести о войне, которую никто в Содружестве не ждал.

Капитан Игнатов ничего не ответил своему искину. Он молча смотрел на зеленые показатели работы реактора, молясь лишь о том, чтобы старый гипердвигатель работал безупречно. Им нужно было предупредить Империю и все человечество раньше, чем чужие корабли встанут на орбитах обитаемых миров.

Глава 6. Стерильный приговор.

В доках станции «Рубеж-12» не было привычной суеты, сопровождающей прием кораблей после рейда. Кораблям не требовался ремонт, пополнение боекомплекта, медики и безопасники не ожидали раненых и задержанных. Эскадра вернулась невредимой, но экипажи были подавлены. Стерильная пустота на месте исчезнувшего конвоя в системе Берилл-05/5 погрузила людей в сильнейшую апатию.

Полковник Виктор Голицын покинул борт «Грозного» одним из первых. Он не стал задерживаться на палубе для привычного разбора полетов с командирами эскадры и абордажных групп. Его тяжелые, размеренные шаги гулко отдавались по металлическому настилу и далеко разносились по коридору, ведущему к административному сектору. Лицо Виктора, напоминавшее кусок выветренного гранита, сегодня казалось серым от скопившейся усталости и плохо скрываемого гнева. Он направлялся напрямик к Марису Клавецу.

В кабинете коменданта станции пахло дорогим табачным дымом от стиков и легким ароматом полыни, который хоть как-то перебивал въедливый, вечный запах озона. Марис не находил себе места: пепельница на краю стола была доверху забита использованными стиками, а навигационные карты сектора 7-G на главном терминале были исчерчены тревожными пометками. Увидев друга, Клавец мгновенно под-

нялся. Его гидравлический протез издал резкий звук, когда он до упора сжал металлические пальцы в кулак.

— Ну? — Марис не стал ходить вокруг да около, сразу наливая в два тяжелых стакана янтарный бренди. — Операторы поста контроля засекли ваш выход из гипер. Ты вернулся значительно раньше расчетного времени. Что с рудным конвоем «Гефеста»? Смогли выловить нападавших? И что за чертовщина в твоём кратком рапорте?

Виктор молча принял стакан и тяжело опустился в глубокое кресло, не снимая офицерской фуражки. Он не стал пить сразу, а лишь угрюмо смотрел, как блики света играют в янтарной жидкости. За время рейда под его глазами залегли глубокие черные тени.

— Конвоя больше нет, Марис, — голос Голицына прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Ничего не осталось. Мы не нашли ни одной спасательной капсулы, ни единого бортового самописца, хоть чего-то существенного. Обшарили каждый сантиметр чертовой системы. Заглянули под каждый камень, просветили радары каждую тень под этой проклятой красной звездой. Пусто. Нет ни намека на обломки, как будто это был розыгрыш. Однако следов открытия гипертоннеля мы также зафиксировать не смогли.

Клавец застыл, не донеся стакан до рта. Его лицо вытянулось от изумления.

— Пираты не могли забрать всё, Вик. Ты сам это прекрасно знаешь. Даже если они увели транспорты — что само по

себе задача для целого флота, — от корветов охраны должны были остаться обломки. Реакторный след, радиоактивное облако, куски обшивки... Космос не проглатывает сорок тысяч тонн стали без следа.

— Это не пираты, — Виктор поднял на друга тяжелый взгляд своих свинцовых глаз. — Пираты — стервятники, они обдирают мясо. А эти сожрали сами кости. В точке последнего пеленга мы обнаружили лишь расширяющееся облако микрочастиц полимерного происхождения. Пластик, композиты, распыленные остатки внутренней отделки судов. И ни одной частички металла. Ни одного вольфрамового сердечника из тех, что были в арсеналах корветов охраны. Все металлы растворились, будто проглотил кто-то.

Марис медленно опустился на край своего тяжелого стола, протез тихо завыл.

— Ты хочешь сказать, что они переработали семь гигантских рудовозов целиком? Выбрали металл и выбросили пластик за ненужностью?

— Именно. Как аккуратный хищник обгладывает кость, оставляя только то, что не может переварить, — Голицын наконец отпил бренди, но совершенно не почувствовал вкуса обжигающего алкоголя. — Я просмотрел логи Ската полсотни раз на обратном пути. У нас нет визуального контакта, у нас нет сигнатур двигателей. Всё, что зафиксировали сенсоры эсминца — это остаточное излучение неизвестного генеза. Оно не похоже ни на одну технологию Содружества.

Оно пульсирует, Марис. Ритмично, словно дыхание огромного организма. В нем чувствуется присутствие живого духа, но искин не смог подтвердить этого. Это не стихия, это — разум. Холодный, расчетливый и абсолютно чуждый нам разум.

Виктор поднялся из кресла и начал мерить просторный кабинет шагами. Его сапоги глухо стучали по рифленому металлическому полу.

— Я сидел над рапортом весь перелет. И знаешь, что самое страшное? Я, полковник пограничной службы, ветеран войны с Роем, не могу предположить ровным счетом ничего. У меня нет зацепок. В Содружестве просто нет технологий, способных за пару суток разобрать на атомы семь военных и грузовых судов, не оставив никакого следа. Мы столкнулись с кем-то, выше нас на голову и нашим технологиям до них далеко. Если они игнорируют силовые щиты, как сообщил погибший капитан «Рамуса», и способны как-то поглотить такой объем материи за короткое время, то все наши эскадры, все наши форпосты — это просто консервные банки. Корабли нашей цивилизации — лишь груда руды.

Клавец хмуро посмотрел на свои руки.

— В Штабе не поверят твоему отчету, Вик. Ты же знаешь этих паркетных адмиралов из Столицы. Они потребуют обломки, потребуют видеозаписи боя, потребуют пленных. Без этого твой рапорт назовут галлюцинациями переутомленного ветерана или спишут на системную ошибку оборудования.

Скажут, что конвой погиб от внутрисистемного коллапса, а «черные мусорщики» растащили остатки.

— Пусть смеются, — седой полковник резко остановился перед другом. — Пока первый черный корабль — или как там его назвал погибший капитан — не материализуется прямо над их сияющей Столицей. Я занес в бортовой журнал каждую пылинку в системе, каждое колебание излучения. Приказал искину задокументировать стерильность системы Берилл-05/5 так подробно, чтобы это выглядело как патологоанатомическое вскрытие. Если Содружество решит, что это пираты — это их выбор. Но я видел эту пустоту. И эта пустота кричит громче любого сигнала SOS.

Голицын подошел к широкому панорамному окну. Станция «Рубеж-12» медленно поворачивалась, открывая вид на бездонную тьму, усеянную холодными искрами далеких звезд.

— Мы знаем как воевать с Роем. Рой был саранчой — понятной, биологической, яростной саранчой. Мы понимали, что он хочет есть и размножаться. Эта новая сила... Она не ненавидит нас... Мы для них даже не враги. Мы просто неудобная упаковка, которую нужно вскрыть, чтобы добраться до ценного содержимого. Понимаешь, Марис? Мы для них — ничто. Содружество кичится своими технологиями: лучевым оружием, многоуровневыми энергетическими щитами и прыжковыми двигателями, но для них всё это лишь кучи руды, которые можно переработать.

— Что ты планируешь делать дальше? — спросил Клавец, подходя к другу со спины.

— Подготавливаю доклад. Отправляю его по всем каналам, включая экстренные линии Комитета Внешних угроз. И плевать на субординацию, — Вик тяжело вздохнул, его плечи опустились. — А потом я прикажу техникам проверить каждый кабель на «Грозном». Нам нужно понять, как защитить наши системы от их излучения.

Виктор Голицын чувствовал, как старая рана на плече пульсирует в такт тем странным показаниям датчиков, что он видел в системе Берилл. Он понимал, что тишина, длившаяся пятьдесят лет, закончилась. Содружество было богато, сыто и самоуверенно. Оно забыло, что такое настоящий враг — тот, с кем нельзя договориться и кого нельзя просто смести числом линкоров.

— Мы не готовы к такому противнику, Марис, — тихо добавил Виктор, глядя на отражение своего седого лица в толстом стекле иллюминатора. — Наши щиты бесполезны против врага. Мы разучились воевать. Мы изучали тактику, которая бесполезна. И самое страшное, что враг уже все это понял. Он оценил нас не как воинов, а как сырье.

Голицын развернулся и направился к выходу из кабинета. Ему предстояла длинная ночь за написанием рапорта, который, скорее всего, похоронит его карьеру. Но, возможно, даст человечеству дополнительное время, которое отделяет жизнь от полной и окончательной утилизации. Если, конеч-

но, кто-то прислушается к его словам.

— Отдохни, поспи немного, Вик, — бросил ему вслед Клавец.

— Сон — это роскошь, которую мы больше не можем себе позволить, — отрезал полковник, и гермодвери кабинета с тяжелым шипением закрылись за его спиной.

Глава 7. Стальная головоломка агента.

Адмиралтейство Аратанской империи на Столичной планете поражало своей монументальностью. В центре самых безопасных и развитых миров леденящие душу ужасы периферии казались чем-то нереальным, а отчеты о пиратских набегах воспринимались как досадные помехи в графиках торговых поставок. Кабинет главы Комитета Внешних угроз, адмирала Натаниэля Уэсткота, располагался на верхнем ярусе циклопического шпиля, соседствуя с большей частью штабных служб ведомства. Из его окон открывался превосходный панорамный вид на залитую огнями Столицу, где процедура омоложения была столь же естественной, как утренняя чашка кофе.

Уэсткот, мужчина с безупречной выправкой и лицом, которое благодаря медицине Содружества и процедурам омоложения не менялось последние сорок лет, стоял у панорамного окна. Его древние американские корни выдавала разве что легкая расслабленность позы, за которой скрывалась стальная воля человека, контролирующего безопасность доброй половины разведанных территорий галактики.

В дверь коротко постучали.

— Входите, майор, — не оборачиваясь, произнес адми-

рал. Голос его был сух и лишен эмоций.

В кабинет вошел майор Глеб Тоцкий. На фоне ослепительного парадного мундира адмирала Тоцкий выглядел инородным телом: подчеркнуто гражданский покрой формы, полное отсутствие наградных планок и неприметный вид человека, который только что выбрался из пыльного архива. Среднего телосложения, с тонкими чертами лица и вечно усталыми глазами, он не производил впечатления боевого офицера. Однако именно этот цепкий, въедливый взгляд ценился в аналитическом отделе Комитета выше, чем умение стрелять с обеих рук — хотя и этому функционалу оперативника Тоцкий был обучен в полной мере. Он обладал редким даром — видеть не просто сухие факты, а скрытые связи между ними, подмечая мельчайшие странности, на которые другие не обращали внимания.

— Садитесь, майор, — Уэсткот наконец развернулся и жестом указал на кресло из натуральной кожи. — У меня для вас есть пара ребусов, от которых у моих штабных аналитиков вторые сутки пухнут головы.

Адмирал подошел к массивному столу и бросил перед следователем офицерский планшет. Экран вспыхнул, отображая два файла под грифом «секретно».

— Здесь два рапорта, — Уэсткот оперся руками о край стола, нависая над майором. — Первый пришел командира пограничной эскадры полковника Голицына — капитана эсминца «Грозный». Ветеран, прямолинеен как рельс, харак-

тер скверный, но дело свое знает досконально. Его эскадра обследовала систему Берилл-05/5 после нападения на конвой «Гефеста». Семь кораблей испарились. Буквально. Голицын докладывает о стерильной пустоте в системе и — обратите внимание на пункт 4.2 — об аномальном волновом излучении высокой интенсивности.

Тоцкий взял планшет. Его глаза начали быстро бегать по строчкам, безошибочно выхватывая ключевые маркеры.

— Второй рапорт, — продолжил адмирал, — поступил от дальнего разведчика «Аргус-091» под визой майора Игнатова. Корабль еще за пределами исследованного космоса, связь шла через ретрансляционный буй. Они обнаружили в системе Х-Зета-19/3 остов неизвестного биомеханического судна и тела чужаков с очень любопытной структурой. И здесь, майор, посмотрите на формулировки их детальных исследований: они классифицируют объект как псевдоживой корабль. Они докладывают о биополярном излучении, манипуляциях материей через поля и проблемах в работе сенсоров из-за отсутствия у чужаков привычного вычислительного ядра и иного принципа передвижения в пространстве.

Уэсткот отошел к бару, налил себе ледяной воды и вновь повернулся к Тоцкому.

— Вы понимаете, к чему я клоню? Пятьдесят лет тишины после Великой войны. И вдруг — два независимых контакта с чем-то, что оперирует биополями такой мощности, что наша передовая электроника начинает сходить с ума. У

меня нехорошее предчувствие, Глеб. Я боюсь, что мы столкнулись с какой-то особой, эволюционировавшей ветвью Роя. Возможно, они научились не просто пожирать биомассу, а встраивать металл в свои клетки на молекулярном уровне, создавая подобные биомеханические конструкции.

Тощий молчал несколько минут, методично пролистывая страницы отчетов на планшете. Он увеличивал спектрограммы, сравнивал графики затухания сигналов и внимательно всматривался в фотографии обсидианово-черных тел четырехруких гигантов, присланные разведчиком из глубин неизведанного космоса. Его аналитический ум уже начал выстраивать рабочую модель, и она ему катастрофически не нравилась.

— Адмирал, при всем уважении, — Глеб поднял взгляд, и Уэсткот увидел в нем ту самую холодную искру, за которую ценил этого следователя. — Рой никогда не действовал чисто. Рой — это хаос, слепое деление, экспансия прожорливой плоти. Здесь же я вижу строгий порядок. Посмотрите на отчет Голицына из системы Берилл. Нападавшие не просто уничтожили конвой, они провели селективную переработку. Металлы изъятые, полимеры отброшены. Это не голод дикого животного, это безупречная логика промышленного комбайна. У них прямое нейросопряжение с кораблями, их ДНК — алгоритм квантовой печати, и они используют физику полей. При этом нет упоминания о псионическом воздействии, характерном для маток Роя.

— Вы хотите сказать, что это не Рой? — Уэсткот прищурился.

— Я хочу сказать, что Рой по сравнению с этим — детская страшилка, — Тоцкий отложил планшет. — Эти существа используют биополярное излучение как инструмент, как рабочий резец. Если Голицын прав и их волновой удар способен игнорировать энергетические поля щитов, то вся наша оборонная доктрина — просто карточный домик. Нам жизненно необходимо понять, как функционируют корабли этих пришельцев.

— Именно поэтому вы здесь, майор, — кивнул адмирал. — Изучите всё. Выпотрошите бортовые искины кораблей, если потребуется. Мне нужен промежуточный анализ ситуации через сорок восемь часов.

Тоцкий отрицательно покачал головой.

— Сухих отчетов мне недостаточно, сэр. Отчеты слишком лаконичны, а искины часто фильтруют то, что не вписывается в их жесткие алгоритмы логики. «Аргус-091» вернется на базу приписки «Орион» только через три недели — это слишком долго. Голицын на «Рубеже-12» гораздо ближе. Мне нужно поговорить с ним лично. Человек, который видел эту пустоту собственными глазами, может вспомнить детали, которые никогда не войдут в официальный рапорт. Специфические ощущения, мелкие наводки на мониторах, интуитивное чувство... Ветераны калибра Голицына редко ошибаются в предчувствиях. Тем более, судя по личному де-

ду, он слабый, но псионик. Он должен был почувствовать матку, если это Рой.

Уэсткот прошелся по кабинету, обдумывая предложение.
— Фронтир сейчас — не самое спокойное место, майор. Там пахнет паникой. Если я отправлю вас туда официально, это поднимет ненужную волну в Комитете. Скажут, что адмирал Уэсткот опять ищет призраков.

— Отправить меня как инспектора по линии расследования коррупции при закупках военных эмиттеров, — Глеб едва заметно улыбнулся. — Это всегда выглядит скучно, рутинно и максимально правдоподобно. Никто на станции не захочет со мной общаться, кроме командования эскадры.

Адмирал негромко усмехнулся, оценив иронию.

— Хорошо. Вылетаете. Через шесть часов курьерским челноком. Я выписал вам предписание особого допуска. Но помните, Глеб: если вы подтвердите, что это новая угроза Роя — мы начнем скрытую мобилизацию. Если же это нечто иное... боюсь, нам придется переписывать саму концепцию военной доктрины Содружества. И быстро...

Тоцкий встал, аккуратно заблокировал планшет и убрал его в свою офицерскую сумку.

— Я смогу дать вам полный расклад, сэр. Но боюсь, этот ответ нам очень не понравится.

Когда майор покинул кабинет, Натаниэль Уэсткот снова подошел к окну. Он смотрел на сияющие шпили столицы и впервые за пятьдесят лет почувствовал, что весь этот мир и

свет — лишь тонкая, хрупкая пленка, которую очень легко содрать. Адмирал рассчитывал на Тоцкого. На его профессиональное занудство, на его феноменальное умение видеть скрытые смыслы и на его органическую неспособность принимать на веру удобные ответы.

А Глеб Тоцкий, шагая по бесконечным коридорам Адмиралтейства к транспортному терминалу, прокручивал в голове одну и ту же мысль: «Почему они оставили полимеры?». В этой маленькой, невзрачной детали крылась разгадка, и Глеб интуитивно чувствовал, что именно этот ответ станет ключевым для понимания природы существования биометаллических структур и гуманоидов.

Через пять часов курьерский челнок с майором на борту отстыковался от причальной мачты и ушел в прыжок. Курс — станция «Рубеж-12», Фронтир. Навстречу неизвестности, которая уже начала перекраивать карту галактики под свои нужды.

Глава 8. Хищники гравитационных теней.

Скоростной курьерский челнок резал пространство с изяществом хирургического скальпеля. Этот корабль был спроектирован для одной цели: доставить высокопоставленное лицо или критически важные сведения из одной точки Содружества в другую за минимально возможное время. Внутри было тесно, аскетично и до одури тихо — лишь едва уловимая вибрация квантового ядра напоминала, что за тонкими переборками бушует хаос гиперпространства.

Майор Глеб Тоцкий часами работал в ментальном интерфейсе нейросети. Прямо перед его глазами, перекрывая блеклую обивку каюты, висели полупрозрачные тактические окна с логам. Мысленным усилием он листал страницы отчетов Голицына и Игнатова. Данные наводили на неприятные мысли, но аналитический ум требовал живой почвы — сухие графики не давали возможности ощутить атмосферу и докопаться до сути. Ему необходимо было прочувствовать обстановку в секторе, прежде чем он заглянет в глаза суровому боевому ветерану на «Рубеже-12».

Для первой остановки Глеб выбрал «Порт-Астерию» — крупную гражданскую узловую станцию на стыке центральных миров и переходных зон Фронта. Это было идеальное

место, чтобы подтвердить легенду и собрать свежие слухи, гуляющие по сектору.

Покинув борт, Тоцкий первым делом направился в сектор Таможенного управления. По своей структуре Комитет Внешних угроз был надгосударственным образованием, рожденным в пламени Великой войны. Его полномочия стояли выше имперских и республиканских законов, но именно поэтому ведомство старалось действовать максимально незаметно, не привлекая внимания. Сейчас официально Тоцкий числился инспектором финансового контроля, и его визит к таможенникам выглядел как рутинная, скучная проверка ведомостей по закупкам систем безопасности.

— Опять вы со своими аудитами, старший инспектор, — проворчал старый начальник таможни, нехотя подписывая протокол электронного доступа на затертом терминале. — Мы тут задыхаемся от трафика, а вы ищете несоответствия в спецификациях эмиттеров пятилетней давности.

— Порядок в бумагах — порядок в головах, — сухо ответил Глеб, старательно играя роль занудного, придирчивого бюрократа. — Империя выделяет огромные средства на закупку оборудования. Я должен быть уверен, что каждый кредит пошел на дело, а не в карманы недобросовестных поставщиков.

Завершив формальности и оставив после себя шлейф бумажной волокиты, Тоцкий сменил строгий инспекционный

китель на гражданскую куртку. Его путь лежал в «Горизонт» — огромный развлекательный центр, занимающий три верхних яруса платформы. Под искусственным небом, среди раскидистых генно-модифицированных экзотических растений, отдыхали те, кто проводил большую часть жизни в Пустоте.

В центральном баре «Горизонта» было шумно. Над низкими столами мерцали неоновые вывески, а в пепельницах дымились дорогие стики. Глеб заказал бокал местного сидра и пристроился у стойки, лениво сканируя толпу. Его взгляд быстро выделил группу из трех человек за круглым столом в углу. По их потертым полетным комбинезонам и характерным нашивкам за навигацию в сложных секторах было ясно — это капитаны-фрилансеры, элита независимых грузо-перевозок.

Тоцкий подошел к столу, приняв чуть виноватый и слегка растерянный вид.

— Прошу прощения, звездные бродяги, — начал он, обращаясь к ним на профессиональном сленге вольных торговцев. — Места свободны? А то у стойки дышать нечем от парфюма этих столичных клерков, прилетевших на пассажирских лайнерах.

Мужчина средних лет с густой бородой, капитан Хендрикс, миролюбиво кивнул на свободный стул. Рядом с ним сидела женщина с острым взглядом и короткими стальными волосами — капитан Элена Марш, владелица тяжелого ру-

довоза. Третьим был старый побитый звездными ветрами и жестким излучением пустотный волк, капитан Батиста, чей комбинезон был буквально усеян выцветшими и обтрепанными шевронами за участие в конвоях времен войны с Роем.

— Присаживайся, парень, — пробасил Хендрикс, вытирая ладонью край своего стакана. — Судя по лицу, у тебя либо реактор сдох, либо крупные заказчики кинули на финише.

— Второе, — вздохнул Глеб, присаживаясь и делая глоток. — Работал в центральных секторах, но там сейчас такая бюрократия, что проще в черную дыру нырнуть, чем лицензию обновить. Думаю, не перебраться ли в ваш сектор, поближе к Фронтиру. Говорят, тут дышится свободнее, если зубы острые имеются и пушек хватает.

— Свободнее-то свободнее, — Элена Марш скептически прищурилась, побарабанив пальцами по пластику столешницы, — только зубы гниловатыми могут оказаться... — усмехнулась женщина-капитан. — Здесь не курорт для столичных, приятель.

Тоцкий отпил сидра и как бы невзначай сменил тему разговора:

— Да я понимаю. Слышал от диспетчеров. Пираты в последнее время совсем озверели. Друг на днях говорил, что целые конвои пропадают без вести... И хочется, и колется... Может, что подскажете или посоветуете, а я пока выпивки на столик закажу, — он отвернулся, подзывая официантку,

и мимоходом добавил: — Может, какие байки расскажете... Ведь в каждой шутке есть доля шутки.

Капитаны переглянулись. Хендрикс равнодушно пожал плечами и крутанул в руке пустой бокал.

— Да всё, как всегда, парень. Работы тут хватает — грех жаловаться. Но смотри, расслабляться в пустоте нельзя. На прошлой неделе вот в системе Бета какие-то оборванцы на старых корытах пытались нас тормознуть на выходе из гипера. Пугнули их главным калибром — они и разбежались по углам... Обычная история для этих мест.

— Точно, — поддержала Елена. — Пираты — они как грибок — сколько ни трави, всё равно вылезут. Мне на «Вестнике» пришлось прокладывать дополнительные магистрали охлаждения противокорабельных орудий, а то при последнем вылете чуть не заклинило от такого темпа стрельбы. А в остальном ничего из ряда вон... А что это тебя так беспокоят странные события? Мнительный слишком, что ли? Таким в наших краях делать нечего, Фронтир быстро лечит от мнительности и страха, правда двумя разными путями, — хотнула она, а ее товарищи закивали.

Глеб досадливо хмыкнул про себя: неужели следы чужаков еще не коснулись основных гражданских путей?

Но тут подал голос старый Батиста, и общая картина расклада в секторе резко изменилась. До этого он молча цедил свой напиток, глядя куда-то сквозь Тоцкого тяжелым, задумчивым взглядом.

— Ты не там ищешь, малец, — скрипучим голосом произнес старик. Его глаза, выцветшие от жесткой радиации, внешне впелись в майора. — Молодые ребята смотрят на цифры на приборах, а надо чувствовать саму душу космоса.

— Опять свою песню завел... Перебрал уже, что ли? — ухмыльнулась Элен.

— О чем вы, капитан? — Глеб незаметно подался вперед, разгоняя свой аналитический имплант на полную мощность.

— Пираты ведут себя... по-другому, — Батиста со стуком поставил стакан. — Я сорок лет в этом секторе Фронтيرا. Я знаю почерк каждого — от отчаявшихся работяг до профессиональных головорезов. Раньше они были как волки. Агрессивные, голодные, лезли на рожон, дрались за каждый кубический метр груза. А последние пару месяцев они стали какими-то... пришибленными.

— Пришибленными? — негромко переспросил Глеб.

— Именно так. Количество стычек в секторе заметно сократилось. Думаете, мародеры резко испугались пограничных патрулей? — Батиста иронично хмыкнул, глядя на притихших коллег. — Нет. Они словно чего-то ждут. Или чего-то панически боятся. Я лично видел парочку пиратских рейдеров на самом пределе зоны обнаружения радара — они не нападали, хотя мы шли с ценным грузом. Просто висели в гравитационной тени планеты и наблюдали. А когда мы подходили на дистанцию залпа — мгновенно ушли в прыжок, даже не рыпнувшись в нашу сторону. Что-то гнетет их, па-

рень. Какое-то давление, которое мы на больших кораблях еще не чувствуем, а они, как крысы уже учуяли и готовы драпать.

— Вы думаете, у них появился новый сильный лидер? — осторожно спросил Тоцкий.

— Нет... — протянул собеседник, решительно отмахнувшись. — Не то... Это животный страх перед чем-то более опасным. Волки не прячутся от других волков, они дерутся за территорию. Они прячутся только тогда, когда в лес заходит нечто такое, для чего они сами — лишь легкая закуска.

Глеб зафиксировал эти слова в своей памяти. Отметив закладкой в протоколе нейросети. Что-то было в этих словах, заслуживающее дополнительного внимания. «Количество стычек сократилось». В аналитическом отделе Адмиралтейства это часто называли затишьем перед штормом. Мелкие хищники инстинктивно уступают территорию более опасному, смертоносному и голодному хищнику, не рискуя попасть самим ему на обед.

— Ну, дед, ты как всегда в своем репертуаре, — Хендрикс добродушно хлопнул Батисту по плечу, разряжая обстановку. — Нагонишь сейчас жути на молодого коллегу, он так и останется в центральных мирах бумажки с места на место перекладывать.

Глеб вежливо улыбнулся, поблагодарил капитанов за компанию и вскоре покинул бар. Его шаг стал бодрее, а мысли текли четко. Слова старого Батисты идеально ложились в об-

щую канву. Если пираты — эти вездесущие паразиты космоса — начали вести себя осторожно и затаились, значит, неизвестный противник уже активно проявил себя там, куда патрули Содружества заглядывают крайне редко.

Возвращаясь на борт курьера, Тоцкий активировал защищенный канал внутренней связи.

— Искин, сформируй закрытый запрос в архив аналитического отдела. Требуется статистика по активности пиратских группировок в секторах 7-G и 8-F за последние девяносто суток. Сравни данные с аналогичным периодом прошлого цикла. Акцент на несостоявшиеся нападения, прерванные атаки и необоснованное бегство нападавших без участия военных патрулей.

— Запрос сформирован и направлен, — бесстрастно отозвался бортовой искин. — Навигационный комплекс закончил расчет прыжка. Расчетное время до выхода к пограничной станции «Рубеж-12» — пять часов с момента погружения в гипер.

Глеб устроился в ложементе, глядя, как перед глазами замерцали служебные интерфейсы. Перед взором всё ещё стояло бледное лицо Батисты. Старый капитан подметил то, что пропустили искины аналитического отдела — критическое изменение паттернов поведения людей. Если неизвестные пришельцы уже начали активные действия на территории Содружества и Фронтира, значит, стоит ждать открытой экспансии.

«Волки прячутся, — подумал Глеб, медленно закрывая глаза под мерный гул квантового ядра. — Они бегут... А мы, овцы центральных систем, всё ещё спорим о бюджетах на закупки всякого гражданского барахла, когда надо укреплять армию.

Через пять часов ему предстояло встретиться с полковником Голицыным — человеком, который видел абсолютную пустоту в системе Берилл собственными глазами. И Тоцкий отчетливо чувствовал, что именно этот разговор станет главной отправной точкой для решения жуткой головоломки, в которую он погрузился с головой.

Глава 9. Порог апатии.

Станция «Рубеж-12» встретила майора Глеба Тоцкого негостеприимным скрежетом стыковочных захватов и тяжелым, маслянистым запахом многократно переработанного воздуха. Когда шлюз курьерского челнока с шипением открылся, Глеб на мгновение замер, впитывая атмосферу этого места. После подчеркнуто вычурного блеска столичной системы станция ощущалась как старый, изношенный механизм, который продолжает вращаться исключительно на упрямстве и поте своих создателей. Здесь не было места парадной эстетике — только утилитарная функциональность, оплаченная десятилетиями борьбы с вакуумом и неизвестностью.

За шлюзовыми воротами Тоцкий сразу окунулся в привычную суету ремонтных бригад и грохот автоматических погрузчиков. Глеб поправил воротник куртки, старательно соответствуя легенде рядового финансового инспектора. Его аналитический имплант уже фиксировал все нюансы окружающего пространства. Он подмечал износ палубных плит, частоту мигания предупредительных огней и общую нервозность персонала. Станция жила в режиме тревожного ожидания, и это напряжение буквально витало в воздухе.

— Старший инспектор Тоцкий? — к нему подошел офицер связи в слегка измятом комбинезоне. На «Рубеже» явно

не было времени на светские рауты и церемонии встреч, тем более для таких незваных гостей, как проверяющий аудитор. — Прошу прощения за отсутствие эскорта. На станции сейчас не до протоколов. Полковник Клавец ждет вас в своем кабинете на командной палубе.

— Благодарю. А где я могу найти полковника Голицына? — Глеб цепко оглядел док, пытаясь отыскать в технологических створах характерный силуэт эсминца.

— Командир Первой эскадры убыл в рейд двенадцать часов назад, — офицер зашагал по коридору, приглашая Тоцкого следовать за ним. — Пираты совершили дерзкий налет на обогатительный комбинат «Астер-Трейд». Вывезли партию очищенного иридия, убив двоих гражданских операторов. Голицын не из тех, кто оставляет такие выходки без ответа.

Тоцкий нахмурился. Операция по поимке обычных пиратов? После того, что Вик увидел в системе Берилл — точнее, после той пугающей пустоты, которую он там зафиксировал, — полковник лично бросился ловить банальных грабителей. Для стороннего наблюдателя это могло показаться попыткой отвлечься, но Глеб чувствовал: для Голицына это был вопрос восстановления контроля над реальностью. Когда сталкиваешься с чем-то непостижимым, лучший способ сохранить рассудок — заняться привычным, понятным врагом.

Кабинет коменданта станции Клавеца встретил Глеба рит-

мичным гулом гидравлики и спертым ароматом крепких курительных стиков. Старый механический протез Мариса явно требовал профилактики, но у хозяина не было на это времени. На краю стола в пепельнице курились стики. Клавец поднялся навстречу гостю, оглядывая «инспектора» с нескрываемым скепсисом, который обычно вызывают кабинетные работники у ветеранов передовой.

— Значит, аудит по линии эмиттеров щитов? — Клавец хмыкнул, указывая на глубокое, потертое кресло. — Адмиралтейство вдруг озаботилось расходом бюджета на периферии? Или кто-то в верхах решил, что мы тут слишком вольготно живем? Рассказывайте, инспектор, — полковник выделил последнее слово, давая понять Тоцкому, что его раскусили.

— Формальности, полковник, — Глеб опустился в кресло, положив планшет на колени. — Если честно, меня больше интересует личность полковника Голицына. Я внимательно изучил его последний рапорт по системе Берилл. Вы ведь его читали?

Лицо Клавца мгновенно стало непроницаемым. Он медленно сел напротив, положив массивную механическую руку на край стола.

— Понятно. И если вы приехали сюда, чтобы обвинить полковника Голицына в некомпетентности или неисправности сенсоров его корабля, то вы зря потратили казенное топливо. Голицын — лучший поисковик и тактик, которого я

знал за последние сорок лет. Его интуиция — это не мистика, это колоссальный опыт, помноженный на животное чутье. Она не раз спасала его и всех нас от неминуемой гибели. Если он сообщает, что система вычищена до блеска, значит, там не осталось даже пыли.

— Я здесь не для обвинений, полковник Клавец, — Глеб понизил голос, стараясь звучать максимально искренне. — Мне нужно понять, насколько можно доверять тексту протокола. В Адмиралтействе отчет сочли... скажем так, излишне эмоциональным в части описания того, что было обнаружено в системе. Точнее, что не было обнаружено... Голицын склонен к панике? К преувеличениям?

Клавец громко расхохотался, и этот смех был сухим, как треск ломающегося пластика.

— Вик и паника? Майор, вы читали его личное дело? Как я уже сказал, я лично всецело доверяю этому офицеру. Этот человек в одиночку удерживал шлюз против десанта Роя в системе Ориона. Он — кремень. Прямолинейный, тяжелый, порой совершенно невыносимый в общении, но абсолютно вменяемый. Если он говорит, что встретил нечто, не поддающееся описанию, значит, так оно и есть. Он просто не из тех, кто будет подбирать красивые эпитеты. Он видит угрозу — он о ней докладывает. И его чутье никогда нас не подводило.

Тощий зафиксировал это в памяти. Комендант, человек прагматичный и суровый, верил каждому слову Голицына. Это было важным элементом пазла. Глеб понимал, что за ла-

коничными строчками рапорта скрывалось нечто, что Вик не смог облечь в строки рапорта, но что заставило ветерана внутренне содрогнуться.

— Хорошо. А что вы скажете о техническом состоянии эскадры? — Глеб перевел тему с личных отношений. — Перед выходом в систему Берилл был авральный ремонт. Могли ли возникнуть сбои?

— Идеальное техническое состояние, насколько это возможно в условиях Фронтира. Полковник Голицын — педант и его корабли всегда в превосходном состоянии, — отрезал Клавец. Ощувив пристальный взгляд «инспектора», Морис добавил: — Что касается аврального ремонта, технари подготовили «Грозный» на высшем уровне и корабль вышел в рейд полностью исправным. Бортовой искин работал как часы, сканеры прошли юстировку. Если бы на борту возник хоть малейший программный глюк, Вик разнес бы доки еще до прыжка. Да и по возвращении все бортовые системы были в идеальном порядке. Никаких отклонений в работе, никакой деградации металла. Это-то и пугает Голицына больше всего: техника говорит, что всё в норме, а его глаза и опыт кричат об обратном.

Глеб поблагодарил коменданта и направился в ремонтные сектора. Ему нужно было поговорить с теми, кто непосредственно касался металла флагмана эскадры.

В ремонтном доке №4 царила привычная суэта, несмотря на то что самого эсминца на стапелях сейчас не было. Глеб

нашел бригаду техников, которая занималась обслуживанием корабля. Старший техник, седой мужчина с вьевшейся в кожу графитовой пылью, настороженно встретил проверяющего, лениво прокручивая в руках универсальный ключ.

— Что, опять ведомости по расходникам не сошлись? — буркнул он, не отрываясь от диагностики навигационного буя.

— Меня интересует работа сенсорных систем и возможные лаги искина «Грозного», — Тоцкий принял свой самый занудный вид. — Были ли жалобы на фантомные сигналы или задержки в обработке данных после рейда в Берилл?

Старшина Хват — так значилось на его жетоне — наконец поднял взгляд.

— Слушай, инспектор. Я обслуживаю корабли Голицына десять лет. Полковник — маньяк по части исправности своих кораблей. Если у него на панели загорится лишний индикатор, он заставит нас перебрать весь контур и еще пришлет своего старпома следить за этим. Так вот: после Берилла «Грозный» был чист. Чище, чем когда сошел со стапелей. Никаких ошибок в системе Ската, никакой статики на сенсорах. Локаторы не тупили, не тормозили, не выдавали ложных целей. Всё работало идеально.

Глеб нахмурился.

— И это вас совершенно не удивило? После прыжка в систему, где бесследно исчез целый конвой?

— Удивило? — Хват хмыкнул. — Нас удивило другое.

Полковник после возвращения приказал провести полную диагностику. Мы прогнали ее на всех режимах по два круга — абсолютная норма. Но он всё равно ходил вокруг, недовольный техническим состоянием корабля, и тыкал пальцем, заставляя устранять надуманные недочеты. Мы тогда подумали — переутомился старик. Но он смотрел на приборы так, будто они ему лгут, хотя они показывали чистую правду.

Тощий медленно побрел обратно к жилым модулям. Складывалась странная картина. С одной стороны — идеальная исправность техники, отсутствие признаков каких-либо внешних воздействий. С другой — абсолютная убежденность опытного офицера в том, что с оборудованием что-то не так. Или он под этим недоверием просто скрывал свое бессилие перед тем, что увидел в системе Берилл.

Глеб присел на скамью в тихом переходе, где меньше всего пахло перегретым металлом. Мозг заработал на полную, разгоняя аналитический имплант. Голицын — ветеран, не склонный к фантазиям. Его эскадра возвращается из системы, где материя была поглощена неизвестным способом непонятным объектом или просто исчезла из реальности. При этом корабли Голицына не получили ни единой царапины, их сканеры не зафиксировали ничего инородного. Нападавшие словно проигнорировали их, или же они были настолько совершенны, что сенсоры патрульной эскадры для них — как кремниевые платы перед квантовым процессором. А может противник уже покинул систему и не оставил

следов, которые можно отследить. Он просто забрал то, в чем нуждался, а до остального ему не было дела.

Тощий подумал: главная проблема не в том, что неизвестный может быть силен, а в том, что люди пытаются измерить его своими шаблонами и это совершенно не дало результата. Голицын, как псионик-интуит, почувствовал это кожей. И именно поэтому он сейчас в рейде. Ему необходимо столкнуться с пиратами, чтобы убедиться: его пушки всё еще стреляют, а его мир еще подчиняется известным законам физики.

Тощий открыл защищенный файл на своем планшете.

— Запись, — негромко произнес он. — Инспекция на «Рубеже-12». Предварительные выводы: полковник Голицын является надежным источником. Технических сбоев на эсминце «Грозный» не зафиксировано. Это исключает версию о программной ошибке или галлюцинации экипажа. Жду личной встречи с Голицыным. Необходимо понять, что именно он почувствовал в те секунды, когда приборы молчали.

Он выключил планшет и посмотрел на часы. Ожидание затягивалось, но Глеб не спешил. Он знал: когда «Грозный» вернется, правда выйдет из шлюза вместе с его командиром. И судя по всему, эта правда будет гораздо страшнее, чем любые глюки электроники.

Глава 10. Золотой мальчик с красной кровью.

Семейная яхта одного из крупнейших промышленных магнатов империи Аратан величаво скользила по намеченному курсу. Ее стремительные обводы не являлись результатом дизайнерских разработок модных столичных ателье. За названием семейной яхты «Аврелий» скрывался глубоко модернизированный фрегат прорыва блокады типа «Центурион», чья смертоносная начинка была бережно спрятана за слоями изысканного светского лоска. Внешне — хищный силуэт с усиленными сегментарными щитами и скрытыми портами плазменных и лазерных орудий. Внутри — передвижной дворец, способный выдержать прямое попадание главного калибра линкора, и гости в кают-компании даже не прольют и капли коллекционного вина из хрустальных бокалов.

Кабинет главы промышленного гиганта «МакФарес Индастриз» располагался в бывшей центральной боевой рубке — самом защищенном месте боевого корабля, отсюда можно было перехватить управление всеми системами в любой момент. Здоровая доля паранойи повышает шансы на выживание. В кабинете царила вязкая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом системы климат-контроля. Интерьер поражал своим стилем и пугал знатоков стоимостью. Стены

были облицованы панелями из натурального мореного дерева, доставленного с одной из заповедных планет-ферм. Пол устилал ковер ручной работы из шерсти горных лам Альфы Центавра. Повсюду в специальных нишах красовались предметы антиквариата: папирусы, подвешенные в консервирующем силовом поле, настоящие бумажные книги в кожаных переплетах, фарфоровые вазы и даже древний секстант, очень похожий на земной аналог и сверкающий латунью под мягким светом скрытых ламп.

Дин МакФарес стоял у панорамного иллюминатора, за которым медленно проплывали огни орбитальной правительственной станции Столичной системы. Ему было двадцать. Его черты поразительно повторяли облик покойной матери – несравненной бунтарки с дикой планеты Земля, которую Алистер, спасая от рабства, вывез из самого пекла наследных войн Аварского халифата.

На парне была одежда модного уличного стиля: темные штаны с усиленными вставками на армейский манер и футболка с V-образным вырезом. Поверх была накинута куртка из толстой натуральной кожи какого-то диковинного зверя с заметными потертостями, которые возникают от постоянной носки. Вещи, в угоду стилю, выглядели простыми, и с этим диссонировали натуральные премиум материалы. Образ бунтаря дополняла короткая армейская стрижка. Дин казался чуждым этому кабинету из реликтового дерева и насыщенному раритетами. Он всем своим видом пытался по-

казать, что его душа требует нечто иного, и климат золотой клетки ему претит.

— Ты снова смотришь в черноту, Дин. Это становится дурной привычкой, — раздался за спиной бархатный, идеально поставленный голос.

Аластер МакФарес, глава колоссальной промышленной корпорации и один из влиятельных игроков на политической арене Содружества, сидел за массивным столом из цельного куска черного мрамора. Он выглядел едва ли на десять лет старше собственного сына — безупречно гладкая кожа, атлетическое телосложение и лицо, которое обожали репортеры светских хроник и обыватели по другую сторону проекторов. Последняя процедура регенерации стерла признаки возраста, оставив лишь холодный, расчетливый блеск в глазах. На Аластере был костюм из «умной» ткани, переливающейся оттенками глубокого индиго, а воздух вокруг него был пропитан баснословно дорогим парфюмом с нотами сандала и редких специй.

— В этой черноте больше правды, чем во всем этом дереве, отец, — Дин обернулся, его синие глаза смотрели на родителя с вызовом. — Я пришел сказать, что я принят в Высшее Командное. Факультет космонавигации. Специализация — дальняя разведка.

Аластер медленно откинулся на спинку кресла, сплетя пальцы в замок. На его лице не дрогнул ни один мускул, но атмосфера в кабинете мгновенно потяжелела.

— Дальняя разведка? — Аластер едва заметно усмехнулся. — Дин, мы ведь обсуждали это. У тебя есть гарантированное место в совете директоров. Тебя ждет номинальная стажировка в планетарных войсках на Элизиуме. Три месяца в белом парадном мундире под облаками курортной планеты, пара парадов, подтверждение имперского гражданства — и ты возвращаешься в управление корпорацией. Это путь лидера. Путь истинного МакФареса.

— Это путь марионетки в золотой клетке! — голос Дина сорвался на резкий тон. — Я не хочу проверять отчеты о добыче руды и показатели производительности сборочных цехов, пока в Пустоте есть черные дыры на наших картах. Я хочу действительно служить нашей родине и доказать всем, что я не просто дорогая игрушка у тебя за пазухой. Ты сам видишь, к чему приводит такая опека, раз читаешь отчеты службы безопасности и криминальные хроники. Почему ты пытаешься запереть меня?

Аластер медленно подошел к сыну. Он был живым воплощением абсолютной власти и достатка, каждым движением подчеркивая пропасть между циничной реальностью бизнеса и юношеским идеализмом.

— Ты мечтаешь о романтике, Дин. О неизведанных глубинах космоса Тебе кажется, что капитанский мостик — это трон, — Аластер положил руку на плечо сына. — Но реальность такова, что современные девчонки уже не так падки на военных, как тридцать-сорок лет назад, на волне раздутых

СМИ побед над ордами Роя. Тогда мундир открывал многие двери. Сейчас это просто форма государственного служащего с крайне низким уровнем комфорта и огромным риском превратиться в облако пыли ради чужих интересов. Тебе это не нужно. Зачем тебе спать в каюте два на два метра, когда у тебя есть такие возможности? Зачем дышать регенерированным воздухом, когда ты можешь владеть целыми планетами?

— Потому что сейчас я — никто! — Дин резким движением сбросил руку отца. — Я просто «сын Аластера». Во флоте неважно, сколько кредитов на банковских счетах твоего отца. Там важно только то, сможешь ли ты вычислить вектор выхода из прыжка раньше, чем у тебя выгорит реактор. Мать была с дикой планеты. Она знала, что такое настоящая жизнь и борьба. И я чувствую, что её кровь во мне требует именно этого, а не того, что предлагаешь мне ты — сытного места и политических интриг.

Аластер МакФарес замолчал. Его взгляд на мгновение стал жестким, как лезвие молекулярного кинжала. Напоминание о погибшей жене всегда оставалось запрещенным приемом в их спорах. Мать Дина погибла во время одной из попыток покушения конкурентов на него. Магнат медленно прошелся по кабинету, остановившись у древнего секстанта. Его пальцы коснулись латуни — металла, который неизвестные пришельцы с удовольствием бы поглотили.

— Пустота не прощает ошибок, Дин, — тихо произнес Аластер. — И она не вернет тебя мне, если ты оступишься.

Ты наш единственный сын и наследник. Всё, что я строил — все эти заводы, верфи, флоты, эта яхта — всё должно быть твоим. Ты действительно хочешь променять промышленную империю на звание лейтенанта и мостик дальнего разведчика?

— Да, — твердо ответил Дин. — Если этот лейтенант будет первым, кто увидит новые звезды.

Возникшая пауза растянулась на несколько минут. Слышно было только, как за переборками работают маневровые двигатели фрегата, удерживая яхту на стабильной орбите. Аластер МакФарес, выдающийся политический деятель, понял, что он проиграл этот раунд. Давить дальше означало окончательно потерять сына.

Он резко махнул рукой и вернулся за свой стол.

— Хорошо, — бросил он, не глядя на Дина. — Поступай как знаешь. Иди в Академию, глотай радиацию на Фронтире, если тебе так хочется. Ты взрослый человек. Только не забывай: ты по-прежнему наследник главы промышленного гиганта Империи. Твои ошибки будут стоить дороже, чем промахи твоих сокурсников. И если ты решишь вернуться, когда поймешь, что вакуум на вкус как дешевый сублимированный кофе, — дверь будет открыта. Но не жди, что я буду помогать тебе продвигаться по службе. В армии ты будешь просто Дином. Без фамилии, без связей, без влияния. Посмотрим, насколько хватит твоего запала.

Дин небрежно кивнул и решительным шагом направился

к выходу. Облицованные натуральным деревом гермодвери бесшумно разошлись перед ним, выпуская наследника промышленной империи из кабинета.

Когда сын ушел, Аластер МакФарес еще долго сидел в тишине. Он открыл файл с последним секретным отчетом о событиях в системе Берилл-05/5 и погрузился в изучение материала, медленно пролистывая страницы движением зрачка. Его действительно беспокоила непонятная ситуация с исчезновением рудного конвоя. Он долго обдумывал вариант отправить туда своего человека, но в итоге отказался от этой идеи.

— Разведка, значит? — прошептал он в пустоту роскошного кабинета. — Что ж, Дин. Возможно, ты выбрал самое лучшее время, чтобы стать героем. А может тебе суждено сделать то, от чего будет зависеть жизни миллиардов.

Аластер погрузился в мягкую спинку кресла.

— Искин, подготовить «Аврелий» к прыжку. И свяжись с моими людьми в Академии военно-космических сил. Я хочу знать о каждом шаге моего сына. Но пусть не вмешиваются в ход обучения. Он будущее моей компании и преодоление трудностей будет хорошим уроком в жизни. Компания не сгинет в Пустоте.

Глава 11. Обречённые крысы опаснее волков.

Пограничная эскадра возвращалась в доки родной станции «Рубеж-12». По силовым балкам и переборкам дока прокатилась жесткая волна вибрации, когда в стыковочные захваты грузно опустилась туша эсминца. Гидравлика причальных мачт работала на пределе, гася инерцию израненного корабля. В служебных помещениях разносился вой сирен, выдергивающий в вакуум дока все новые и новые аварийные бригады техников. Сухим лязгом магнитных захватов станция оповестила медиков о начале их работы.

Майор Глеб Тоцкий стоял на верхней наблюдательной галерее ангарной палубы. С этой точки обзора эсминец «Грозный» казался огромным, израненным зверем. Левый борт исчерчен глубокими следами от попаданий лазерных импульсов. Часть надстроек системы противокосмической обороны превратились в оплавленные куски шлака.

Следом в технологические створы втягивались фрегаты. «Стремительному» повезло больше — он отделался царапинами и легче всех кораблей эскадры совершил маневр стыковки. «Вега» же подавалась силовым навигационным лучом, так как самостоятельно фрегат в узком пространстве ангарной палубы маневрировать был не способен, лишив-

шись во время сражения основной ходовой рубки. Зияющая дыра на месте центра управления открывала на обозрение разрушенные переборки и торчащие обугленные куски изоляции.

Десять минут спустя в шлюзовые створы втянули трофей — фрегат типа «Сапсан», некогда принадлежавший регулярному флоту Аварского халифата и относился к десятому поколению, самому современному для космофлота Авара. На его борту еще проступали наспех покрашенные знаки принадлежности к войсковым подразделениям, но теперь он был лишь битым куском железа, идущим под конвоем «Коршуна». Это была одна из трех захваченных посудин, которые полковник решил не превращать в звездную пыль. Остальные девять судов пиратов — хлам из переделанных транспортов и давно списанных корветов и тяжелых истребителей, устаревших на несколько поколений — навсегда остались в пустоте в виде облаков газа и обломков.

Глеб спустился на уровень шлюзовых камер. Воздух здесь был насквозь пропитан запахом синтетической смазки, жженой проводки и свежей крови. Первыми из шлюза «Грозного» выползли гравитационные носилки с тяжело ранеными в анабиозных камерах. Потери среди абордажной группы оказались колоссальными для рутинной операции. Восемнадцать бойцов десанта уходили в бой — вернулись только двенадцать, и трое из них находились в критическом состоянии.

— Освободить шлюзовые ворота! Очистить коридор для

медиков! — рывкнул палубный офицер.

Тощий отступил к стене, внимательно наблюдая за выходом экипажа. Люди покидали борт молча. Бойцы тяжело восприняли потери в своих рядах. Видно, им не часто приходилось терять своих товарищей. Люди казались тенью самих себя, выжженные изнутри яростью и болью. Для приграничного патруля это выглядело странно. Они регулярно скрещивали оружие с аварцами на нейтральных территориях и отбивали налеты мародеров. Да, потери превышали статистику, но почему люди настолько подавлены?

Наконец в проеме шлюза появился командир эскадры.

Полковник Голицын выглядел так, будто прошел через жерло плазменного реактора. Китель перемазан и порван, лицо покрыто слоем копоти и засохшей крови, а свинцовые глаза горят таким мрачным огнем, что окружающие невольно вжимали головы в плечи, когда встречались с ним взглядом. Он шел тяжелой, неровной походкой, сжимая в руке помятый датапад мертвой хваткой и казалось, даже не замечает этого.

Вслед за полковником конвоиры вывели пленных. Это были не типичные солдаты удачи фронта в грязных разномастных комбезах с непременно атрибутом безрукавки или плаща из кожи. Мужчины в серых комбинезонах аварского образца сохраняли остатки военной выправки, хотя в их глазах и плескался животный ужас. Когда арестанты, подталкиваемые конвойными, проходили мимо, аналитиче-

ский имплант майора зафиксировал у пленных крайнюю степень истощения нервной системы и мощнейший ментальный стресс. Девять уничтоженных кораблей и три захваченных — Голицын не оставил им ни единого шанса. Не действуя пограничники так быстро и жестко, неизвестно, кто бы одержал верх в этой схватке. Ведь перед ними был не слабо организованный сброд из пиратов, в большинстве своем не имевших представления о военной службе, а корабли регулярного флота халифата, которым нечего было терять. Дезертиры, чья выучка и современное вооружение привели к тяжелым потерям аратанцев.

Голицын остановился у самого края палубы, наблюдая, как пленных в магнитные наручники передают конвойным станции. Его челюсти были сжаты и на скулах перекачивались желваки. Глеб видел, как пальцы полковника легли на рукоять табельного разрядника. В этот момент Вик явно боролся с накатившим желанием отправить аварских горе-воjak в последний путь. Ярость от осознания потерь требовала выхода.

Однако, его рука осталась спокойно лежать на рукояти.

Логи из памяти искина аварского фрегата, полученные Голицыным еще до прыжка, содержали информацию, которая заставила ветерана отложить расправу над пиратами. Оказалось, что они также сталкивались с неизвестным врагом, но им повезло сбежать. Они видели в глубине своего родного сектора опасных чужаков. Настолько опасных, что

их хваленая выдержка рассыпалась прах. Аварцы бросили всё и бежали на территорию Аратана, совершая безумные налеты ради топлива и припасов, чтобы уйти еще дальше от страшных событий. Собственные эмоции Голицын смог отодвинуть на второй план ради получения дополнительной информации. Полковнику нужны были показания от них по чужакам. Сейчас это были единственные живые свидетели присутствия чужого разума на территории Содружества, и они могли пролить свет на многое.

Голицын наткнулся взглядом на Тоцкого. Глеб стоял чуть поодаль, в гражданской куртке, резко выделяясь среди испачканной военной формы и тяжелых ремонтных скафандров. Его цепкий взгляд встретился с яростным взором полковника.

Майор Глеб Тоцкий не отвел глаз. Он видел в этом человеке всё: боль утраты, непомерную ответственность, и ту самую звериную интуицию, о которой уважительно говорил полковник Клавец. В первое мгновение во взгляде Голицына скользнула брезгливость к штабному служаке, но спустя секунду Глеб увидел в нем изменение. Он понял, что его легенда не продержалась и секунды под пристальным взглядом ветерана – его раскусили в одно мгновение.

Полковник медленно направился к нему. Люди в коридоре сами собой расступались, пропуская командира эскадры. Остановившись в двух шагах от Тоцкого, Голицын обдал его тяжелым запахом жженой проводки и табачного аромата. Он

не сказал ни единого слова. Полковник на мгновение задержал взор на неброской эмблеме Комитета Внешних угроз на рукаве куртки Глеба, которую тот специально прикрывал рукой. В этом оценивающем взгляде на миг мелькнула искра заинтересованности. Тоцкий понял: его прочитали как открытую книгу. Он понял, что полковник ждет от него действий, связанных с профессией дознавателя.

Виктор коротко кивнул, признавая присутствие следователя особого ведомства и двинулся мимо к лифтовому холлу. Его ждала суровая рутина: прием раненых, размещение пленных и официальные рапорты. Они оба прекрасно понимали, что их грядущий разговор имеет все шансы изменить отношение Адмиралтейства и Комитета к тихой возне на Фронтире. Да и возня эта тихой уже не являлась, выходя на новый уровень.

Знакомство состоялось без единого слова. Два человека, от взаимопонимания которых зависело будущее, разошлись по своим постам, оставляя за спиной стонущие переборками корабли и тени погибших, чьё эхо в пустоте становилось всё громче.

Глава 12. Раскаты памяти.

Кабинет полковника Голицына на «Рубеже-12» был отражением характера своего хозяина — аскетичный, угрюмый, насквозь пропитанный запахом старой кожи и ароматом растения, напоминающего полынь. За низким потолком непрерывно гудел невидимый узел станционной вентиляции, чем невероятно раздражал хозяина. Единственным ярким пятном в полумраке являлась старая голографическая карта сектора ответственности пограничной станции. Ее поверхность пестрела багровыми искрами — отметками недавних стычек, но одна точка теперь приковывала взгляд матовой чернотой — система Берилл-05/5.

Виктор сидел за столом, так и не сняв покрытый слоем копоты китель. Перед ним медленно остывала нетронутая чашка кофе — густого и черного, точно деготь. Напротив, глубоко погрузившись в кресло, расположился Глеб Тоцкий. Майор сохранял абсолютное спокойствие, хотя его аналитический ум сейчас работал на пределе возможностей, фиксируя мельчайшие нюансы: от едва заметной дрожи в пальцах полковника до неровного ритма его дыхания.

— Майор, вы долго летели, чтобы просто посмотреть, как я пишу некрологи, — не выдержал Голицын. Его голос прозвучал хрипло, с надрывом. — Адмиралтейство прислало ищейку, потому что мой отчет о Берилле не укладывается в

их вымаранные строки статистики?

Тощий понимающе и мягко наклонил голову, признавая право измотанного ветерана на эту вспышку злости.

— Я прибыл потому, что адмирал Уэсткот — единственный кого волнует ответ на загадки вашего доклада, полковник. Ведь он еще помнит запах настоящего страха. Ваш рапорт серьезно озаботил верхушку Комитет Внешних угроз. Стерильная чистота там, где должны дрейфовать тонны искореженного лома, — это не досадная ошибка искина. Это первый звоночек надвигающейся катастрофы.

Виктор горько усмехнулся. Оскал получился хищным и безрадостным.

— Звоночек... Красивое слово для столичных кулуаров. Только это не политика, майор. Это тотальная утилизация. Мы вошли в систему спустя сорок восемь часов после полученного сигнала SOS. Я готовился увидеть привычный ад: разорванные остовы судов, тонны осколков, замерзшие тела, радиоактивный мусор. А вместо этого наткнулся на абсолютное ничто. Мы трижды перепроверили данные, даже искин перезагружали. Мы решили, что у нас выгорели сенсоры. Но приборы были исправны — металл просто исчез, а вся органика испарилась. Семь крупных судов, включая корветы охраны с их титановой броней, начисто стерты из реальности. В пустоте осталась лишь мелкодисперсная полимерная пыль да ошметки изоляции. Знаете, на что это было похоже? На останки моллюсков. Мы видели пустые раковины, пре-

вращенные в пыль. Эти чертовы чужие переварили всё и избавились от неудобного – полимеров.

Глеб подался вперед, не отрывая цепкого взгляда от лица собеседника.

— В докладе вы упоминали биополярное излучение. Оно было остаточным или направленным?

— Остаточным, — Виктор привычно потер старый шрам на плече. — Но оно висело в пустоте такой густой пеленой, что у систем «Грозного» начались серьезные сбои при попытке отстроиться от фона. Это не радиоволны и не лазерный импульс. Ощущалось как ментальное эхо, словно само пространство еще помнило присутствие чего-то колоссального, чуждого и живого. Мы обыскали каждый астероид в системе, перевернули каждый булыжник... И ничего. Ни единого следа, ни намек на инородное присутствие. Только этот сводящий с ума шепот в эфире. Даже искины начинали впадать в ступор при приближении к центру этого полимерного облака.

Тоцкий медленно кивнул и сделал быструю пометку в своем датападе.

— А теперь расскажите о тех, кого вы сегодня доставили на станцию. Аварцы. Ведь это не рядовые пираты из местных банд, верно?

Голицын тяжело вздохнул и наконец приложился к чашке, поморщившись от горечи холодного напитка.

— Пираты... Если бы. Мы перехватили их в секторе 4-

Г, когда они отчаянно пытались вскрыть автоматический обогатительный комбинат корпорации. Я думал, это очередная банда, решившая поживиться дармовой рудой. Но едва «Грозный» вышел на дистанцию залпа, эти деятели мгновенно перестроились в идеальный боевой порядок. В их авангарде шли два фрегата типа «Сапсан» — старые, но смертоносные представители регулярного флота Аварского халифата. И управляли ими точно не дилетанты, а кадровые офицеры.

Полковник на мгновение замолчал, его взгляд потускнел, уходя в тяжелые воспоминания о недавней битве.

— Они сражались с каким-то запредельным, диким отчаянием, майор. Не за богатую добычу. Дрались так, будто за их спинами полыхал сам ад, и им позарез нужно было топливо, чтобы прыгнуть дальше — уйти на другой конец вселенной. Девять разномастных лоханок мы легко пустили на распыл, но эти «Сапсаны»... Аварцы задали нам жару. Старпом «Веги» погиб прямо на мостике. Они не пытались маневрировать, они просто шли в лоб, заливая нас огнем из всех орудий.

— Однако вы захватили один фрегат почти целым, — напомнил Тоцкий. — Что успели сказать пленные?

— В том-то и дело, что они почти не говорят, — Виктор подался к Глебу, понизив голос до заговорщического шепота. — Те двое офицеров, что выжили после abordage... они бредят. Постоянно твердят о каких-то «Черных Жем-

чужинах». Рассказывают о двухсотметровых живых кораблях Чужаков. Аварцы не сражались. Их просто методично уничтожали. Противник применил неизвестное оружие, которое полностью игнорировало силовые щиты. При попадании луча металл мгновенно терял свои физические свойства и просто исчезал, а электроника выгорала дотла. Всего два чужих корабля за секунды аннигилировали ударную эскадру аварского флота вместе с двумя тяжелыми крейсерами. Тела и металл просто испарялись под действием неизвестных лучей. Аварцы бежали, майор. Бросили своих и прыгнули в гиперпространство вслепую, лишь бы подальше от виденного кошмара. По их словам, плазменные орудия не наносили обшивке врага ни малейшего урона, а тяжелые вольфрамовые снаряды рельсотронов размазывались по бортам чужаков как кляксы. Паника и дикий животный страх — вот что это было. И это кадровые военные одного из самых агрессивных государств Содружества.

Глеб замер. Клиническая картина складывалась пугающе схожая.

— Значит, аварцы столкнулись на своей территории с той же силой, что стерла рудный конвой в системе Берилл. Только им чудом удалось ускользнуть.

— Им просто повезло сбежать от утилизаторов, — Голицын горько усмехнулся. — Но они принесли с собой этот парализующий страх. Знаете, что меня больше всего удивило в их словах? Один из раненых механиков перед смертью про-

хрипел: «Они не убивали нас. Они просто поглощали наши тела и природные металлы».

Тоцкий медленно встал и подошел к черневшему проему иллюминатора. Станция совершала свой неторопливый оборот, открывая вид на далекие звезды, которые теперь казались не мирными солнцами, а холодными глазами равнодушных наблюдателей.

— Послушайте, Виктор, — Тоцкий впервые назвал полковника по имени. — Вы правильно поняли мой статус. Адмирал Уэсткот всерьез подозревает, что мы столкнулись с новой, мутировавшей ветвью Роя. Но я вижу иное. Рой всегда оставался биологическим хаосом. То, что вы сейчас описываете, — это высший технологический порядок. Промышленная логика древней цивилизации. Для неё наши корабли, оборонительные станции и, возможно, мы сами — лишь природное сырье. Квантовая печать ДНК, выжигание кремниевых электронных плат и абсолютная стерилизация. Их действия — это не война. Они не ведут с нами войны, потому что человечество для них равным счетом ничего не значит и не может ничего противопоставить. По этой же причине на переговоры надеяться не стоит. Слон не услышит муравья.

Голицын поднялся вслед за ним. Его массивная, широкая фигура полностью заслонила мягкий свет ламп.

— И что теперь? Как с ними сражаться, если наши силовые щиты для них прозрачны, а наше передовое оружие — лишь дополнительная пища. И встает вопрос: откуда они

пришли? Уже сейчас половина моих навигаторов опасается прыгать в следующую систему, не желая вновь пережить панику и сводящую с ума мигрень.

— Мы будем искать их слабость. Уверен, мы ее обязательно найдем, — твердо ответил Глеб. — Вы ведь обратили внимание на то, что они оставили полимеры, пластик, синтетику, композитные материалы. Я уверен, аналитики и наши ученые найдут ответы на эти вопросы и дадут нам в руки достойные аргументы. А в храбрости наших воинов и вы не сомневаетесь.

Голицын внимательно посмотрел на свои руки — мозолистые, привыкшие к тяжести боевого оружия.

— Значит, мы будем противопоставлять их идеальной технологии наши стандартные линейные схемы, которые они, скорее всего, сожрут так же легко, как титановую бронеплиту?

— Пока у нас нет иных технических данных — да, — Тоцкий резко обернулся к полковнику. Его глаза теперь горели холодным огнем. — Завтра мы начнем допрос выживших аварцев вместе. Я хочу выжать из них все детали их встречи с кораблями Чужаков. А вам, полковник, стоит подготовить своих людей. Я кожей чувствую, что Берилл был только началом новой войны за выживание нашего вида.

Виктор долго смотрел на майора, затем коротко и веско кивнул. Взаимное уважение, родившееся в их молчаливом узнавании в доке, теперь стремительно крепло. Они остава-

лись людьми совершенно разных миров, но опасный враг у них теперь был один — холодный, совершенный и абсолют-но равнодушный к их жизням.

— Ладно, майор. Идите отдыхать. Мой ординарец покажет вам свободную каюту. Я должен еще раз внимательно просмотреть списки погибших. Не люблю оставлять неоплаченные долги.

Когда Тоцкий вышел, Голицын снова сел за стол. Он выключил верхнее освещение, оставив только слабое янтарное сияние карты сектора. В наступившей темноте кабинета ему на мгновение показалось, что стены станции начали тихо вибрировать, издавая тот самый едва слышный, сводящий с ума шепот, который он привез в логах искина. Карта сектора на противоположной стене несколько раз моргнула, а маркер системы Берилл-05/5 растекся яркими огненными искрами. Полковник крепко сжал кулаки, отгоняя наваждение

«Мы еще повоюем, — зло подумал он, глядя в бездонную пустоту за бронестеклом. — Железо, может, и ваше. Но воля — наша».

За надежными переборками станции продолжала пульсировать привычная жизнь Фронттира, совершенно не подозревая о том, что горизонт событий уже пройден, и время старого мира неумолимо истекает.

Глава 13. Первый симптом.

Дин МакФарес умел быть упрямым. Это качество, по мнению его отца, оставалось единственным земным наследием матери, которое стоило бы раз и навсегда вытравить. Выжечь дорогими процедурами коррекции генома или сломать жестким спартанским воспитанием. Аластер настойчиво предлагал сыну «Аврелий» — роскошную яхту, способную доставить кадета к воротам Высшего Командного училища ВКС с комфортом, достойным принца крови. Дин осознанно выбрал другой путь. Он хотел почувствовать вкус жизни и почувствовать себя свободным от необходимости играть на публику перед тем, как застегнет последнюю пуговицу на глухом форменном комбинезоне и научится жить по строгому уставу.

Родная система Дина находилась в Кольцевых мирах Аратанской Империи. Именно здесь располагалось промышленное сердце корпорации «МакФарес Индастриз» — колоссальная зона, где ковалась значительная часть экономической мощи межзвездной империи. Однако даже в этом индустриальном пекле правила экологической безопасности оставались незыблемыми. Чиновники центральных миров жестко следили за соблюдением всех установленных правил. Даже хозяин множества звездных систем не мог позволить себе пренебрегать законами. Контроль велся на высшем

уровне, а наказание за нарушения было суровым. Ни один правитель в Содружестве не позволил бы разрушать экологию пригодных для жизни миров открытым способом добычи и токсичными технологическими производствами.

По этой причине на поверхности планет МакФаресов располагались только высокотехнологичные чистые производства и линии автоматической конвейерной сборки. Все токсичные, тяжелые и грязные плавильные цеха корпорация предусмотрительно вынесла на орбитальные платформы, за пределы гравитационных колодцев планет. Едкий дым космических заводов-гигантов не должен был портить живописный вид, открывавшийся из панорамных окон зеркальных административных шпилей.

— Мой последний глоток свободы, — улыбнулся младший МакФарес.

Он задумчиво провожал взглядом удаляющийся диск родного мира сквозь толстый многослойный кварцит иллюминатора круизного лайнера «Виктория». Судно было огромным, словно передвижной футуристический город. Здесь было абсолютно всё: тенистые парки под прозрачными куполами на фоне звезд бесконечной вселенной, бассейны с безупречной имитацией морского прибоя, десятки элитных ресторанов и других развлечений на все возможные вкусы.

Дин решил прислушаться к советам немногих близких друзей: отдохнуть по-настоящему перед грядущими месяцами суровой муштры, жесткого армейского рациона и тоталь-

ных ограничений. Он намеренно снял скромную каюту среднего класса, скрыв свою громкую фамилию за псевдонимом Дин Мак. Первые три дня полета он просто наслаждался анонимностью. Никто не вышаркивался перед ним и не заискивал. Он просто был молодым путешественником, познающим все стороны развлечений.

Именно на «Виктории» случай свел его с интересной особой по имени Силиция. Она принадлежала к тому редкому типу девушек, чья природная красота и обаятельность идеально вписывались бы в утонченную эстетику модных реалити голопрограмм. Изящная, с густой копной каштановых волос и пытливыми синими глазами. Она казалась обычной веселушкой, живой и настоящей — дочерью мелкого чиновника из провинциального аграрного сектора, как она сама скромно представилась при знакомстве. Для Дина это общение стало глотком свежего воздуха. Девушка не опускалась до уровня придворных дам и не заискивала, не позволяла себе типичных прозрачных намеков светских львиц, находящихся на вечной охоте за богатыми женихами. Их беседы были свободны от скучной политики и котировок акций. Только искренний девичий смех и легкие разговоры о пустяках украшали их совместное времяпрепровождение.

Они часами проводили время в просторном панорамном зале, увлеченно наблюдая за мерцающими вспышками гиперпространства за бортом. Силиция оказалась приятным собеседником. Она заразительно смеялась над его шутками

и искренне интересовалась его мечтами о Пустоте. Для Дина это было в диковинку — видеть в глазах женщины подлинный интерес к нему как к человеку, а не к триллионным активам фамильной компании.

— Ты действительно хочешь пойти в дальнюю разведку? — спрашивала она, лениво потягивая прохладный коктейль через соломинку. — Это ведь так опасно. Пустота не любит людей.

— Она их не любит только потому, что люди эгоистично пытаются её подчинить, — увлеченно отвечал Дин, чувствуя, как внутри просыпается азарт истинного исследователя. — А я хочу прежде всего понять её.

Первый этап его долгого пути пролетел незаметно. Лайнер плавно коснулся причальных мачт крупного торгового узла «Пилигрим-9» — циклопической перевалочной базы Империи. Здесь Дину предстояла пересадка на второй межзвездный корабль, идущий напрямик в столичную систему Империи Аратан.

Прощание с Силицией вышло быстрым и немного грустным.

— Возможно, мы еще увидимся в Столице, — тепло улыбнулась она, мгновенно растворяясь в плотной толпе пассажиров.

Дин тяжело вздохнул и уныло поплелся к терминалу своего следующего транспорта. Станция шумно бурлила. Тысячи существ самых разных рас и сословий торопливо спе-

шили по своим делам под бесконечный механический рокот информационных объявлений и рекламы. В одном из широких технологических переходов между секторами Дин неожиданно столкнулся со странной личностью, которая заставила его внутренне замереть.

Навстречу ему шел офицер регулярного флота Империи. Судя по нашивкам на выцветшем полевом комбинезоне — лейтенант-коммандер, ветеран с солидными орденскими планками на груди. Двигался военный как-то неправильно, неестественно. Его шаг казался рваным, ломаным. Складывалось ощущение, что управляющие импульсы пробивались по нервным узлам с огромным трудом. Тяжелое, онемевшее тело отчаянно сопротивлялось приказам собственного мозга. Голова офицера периодически покачивалась и судорожно дергалась вправо. Пальцы обеих рук мелко и ритмично подрагивали в такт какому-то невидимому внутреннему метроному.

В тесном проходе они поравнялись, и Дин случайно задел военного плечом. Офицер замер как вкопанный. Он повернулся к юноше медленно, механическим.

Вблизи его лицо напоминало безжизненную маску из серого, дешевого пластика. Кожа была натянута на скулах до предела. А глаза... они вообще не моргали. Зрачки лейтенант-коммандера жили своей обособленной, жуткой жизнью. Они пульсировали в странном, неравномерном ритме, то расширяясь, то сужаясь в точку. Сужение зрачков не за-

висело от освещения, равномерно заливавшего переход теплым светом.

— Прошу прощения, сэр, — вежливо и тихо произнес Дин.

Офицер ничего не ответил. Он лишь издал странный горловой звук, похожий на сухой механический щелчок. Его шея снова судорожно дернулась, и он продолжил свой путь, не меняя рваного темпа ходьбы. Дина обдало могильным холодом, а вдоль позвоночника пробежали мурашки. В этом человеке было что-то фундаментально неправильное, что-то, что явно не лечилось передовой медициной Содружества. Это выглядело как тяжелейшее органическое повреждение центральной нервной системы. При этом пристальный взгляд офицера оставался не безумным, а пугающе отсутствующим.

Мрачное впечатление от этой жуткой встречи рассеялось, стоило Дину подняться на борт второго круизного лайнера — «Звезды Небосвода». В ту самую минуту, когда юноша переступил порог главного холла пассажирской палубы, его сердце радостно подпрыгнуло в груди.

У стойки регистрации, спокойно перебирая багажные чипы, стояла Силиция. Те же каштановые волосы, тот же знакомый, мягкий наклон головы.

— Силиция? — удивленно окликнул он её, буквально не веря собственным глазам.

Она быстро обернулась, и её милое лицо мгновенно осве-

тилось искренней, теплой улыбкой.

— Дин? О боги, какая потрясающая встреча! Я была уверена, что ты летишь совершенно другим рейсом, более скоростным.

— Мой рейс задержали по техническим причинам, и я решил оперативно взять билет на этот, — уверенно соврал Дин, хотя на самом деле билеты у него изначально были куплены именно на «Звезду Небосвода». — Похоже, сама судьба категорически не хочет, чтобы мы расстались так быстро.

Очарование внезапной романтической встречи полностью перекрыло все прежние тревожные ощущения. Силиция, простая и веселая, взяла его под руку, и они вместе направились к лифтам жилых модулей.

— Раз уж нам лететь вдвоем еще целых трое суток, — заговорщически прошептала она, — может, продолжим наш давний спор о Пустоте сегодня вечером в ресторане на верхней палубе?

Дин МакФарес счастливо улыбался, чувствуя себя в эту секунду самым удачливым парнем в галактике. Когда «Звезда Небосвода» легла на стабильный курс и отправилась в свой недолгий рейс к столичной системе Аратанской Империи, он совершенно не подозревал, что странный, дерганный офицер на пересадочной станции был лишь самым первым симптомом страшной катастрофы, которая уже начала незримо поглощать Содружество.

Глава 14. Чёрные жемчужины.

Сектор дознания на станции «Рубеже-12» располагался на самом нижнем уровне, ниже командного центра в старой штольне по добыче льда. Колоссальная толща скальных пород полностью гасила внешние колебания и электромагнитное излучение. В подземных коридорах закрытого сектора царила гробовая тишина, нарушаемая лишь ровным шелестом климатических систем и приглушенным шумом гравитационной установки. В холодном воздухе стоял неприятный запах озона и медицинских препаратов, проникающих сюда из находившегося рядом медблока.

Майор Тоцкий, полковники Голицын и Клавец сидели в оперативной рубке сектора дознания. Перед ними высилась стена из толстого бронированного одностороннего стекла. За ней, в изолированных камерах, находились пленные аварцы — капитан Каль и инженер Зорг. Они не могли видеть друг друга. Оба выглядели бледными тенями самих себя: осунувшиеся, с воспаленными от бессонницы глазами. Пленные были зафиксированы в удерживающих креслах, уставившись в серую стену перед собой.

— Перед тем как мы начнем, взгляните на это, — Тоцкий положил на металлический стол два датапада с медицинскими заключениями. — Наши нейрофизиологи плотно поработали с пленными ночью.

Голицын взял планшет, хмуρο вчитываясь в ровные строчки текста.

— «Посттравматический шок, патологические нарушения коры...» Майор, удосужьтесь перевести этот медицинский бред на нормальный человеческий язык, — Голицын раздраженно отодвинул устройство.

— Если коротко, господин полковник: они не просто напуганы. Их центральная нервная система подверглась серьезному внешнему воздействию и была повреждена. В памяти намертво запечатались образы, которые мозг подсознательно пытается стереть, вызывая микроинсульты. Нейросети также повреждены и не справляются с этой проблемой. Пленные вменяемы, но их картина мира разрушается. Капитан Каль впадает в ступор, который сменяется паникой при любом упоминании черного цвета или геометрической симметрии. У инженера Зорга не обнаружилось столь сильных отклонений, но его также нельзя назвать абсолютно здоровым.

— Прекрасно, — угрюмо проворчал Клавец, мерно барабанив механическими пальцами по столу. — Мы собираемся допрашивать офицеров, которые до смерти боятся черных квадратов. Что ж, поехали.

Тоцкий включил громкую связь с комнатой арестантов. Его голос заполнил обе камеры:

— С вами говорит старший следователь Комитета Внешних Угроз майор Тоцкий. Капитан Каль, инженер Зорг, мы

ознакомились с вашими предварительными показаниями. Нам нужны детали. Опишите момент первого контакта в системе Орикс.

Капитан Каль судорожно вздрогнул. Его черная кожа казалась мертвенно-серой в холодном свете ламп. Он долго молчал, нервно облизывая пересохшие губы.

— Мы... мы не ждали их там, — наконец заговорил он. Его голос был ломким, как сухой пергамент. — Наша флотилия шла к автоматическому обогащительному комбинату нашего халифа. Двенадцать вымпелов. Два тяжелых крейсера — «Молот» и «Наковальня». Гордость регулярного флота. Мы были уверены, что мы хозяева этой части сектора. А потом пространство просто вывернулось наизнанку.

— Что конкретно показали приборы в момент выхода противника из гиперпространства? — спросил Голицын.

— Ничего! — в панике выкрикнул инженер Зорг из соседней камеры. Он забился в кресле, гремя магнитными наручниками. — В том-то и ужас! Сенсоры электромагнитных полей молчали. Детекторы возмущения гиперполя даже не пикнули. Эти сферы не совершали выхода из гипера, они вообще не открывали переходов! Они просто возникли из ниоткуда. Две абсолютно черные жемчужины. Сферические объекты размером не больше тяжелого фрегата. Они неподвижно висели на фоне звезд и свет за ними не преломлялся, будто это бестелесные призраки. Они словно вырезали из самой реальности кусок пространства, в котором зависли!

— Опишите атаку, — приказал Тоцкий.

Капитан Каль зажмурился. Его изможденное лицо искажилось.

— Они не маневрировали. Не выпускали ракет. Из их гладких корпусов вырвались тонкие фиолетовые лучи. Они прошли сквозь наши силовые щиты как будто их не существовало. Луч слегка коснулся носа «Молота». Металл не испарился как от плазмы, а просто перестал существовать. Полная атомарная деструкция. Секунда — и стальной исполин начал разлетаться мелкой крошкой. Сенсоры показывали, что частицы металлов по этому лучу направлялись в утробу сфер, всасывалось.

— Мы открыли ответный огонь! — лихорадочно подхватил Зорг, его голос дрожал. — Били всем, что было. Плазменные пушки крейсеров лупили прямой наводкой. Но плазма обтекала эти сферы и через мгновение гасла. Она не причиняла им вреда, словно они порождения черных дыр. Рельсотроны... мы выпускали тяжелые вольфрамовые болванки десятками. Были прямые попадания! Но снаряды не разрывали корпуса... Они буквально размазывались по их бортам, как кляксы масла по раскаленной сковороде, и тут же пропадали. Они поглощали наши снаряды! Они в буквальном смысле жрали наши корабли!

В кубрике повисла напряженная тишина. Голицын и Клавец хмуро переглянулись. Показания аварца о пережитом ужасе совпали с тем, что Виктор зафиксировал в системе Бе-

рилл. Но теперь все обрастало жуткими подробностями.

— Началась паника... — Каль тихо всхлипнул. — Это был не бой. Это была настоящая мясорубка. Люди исчезали вместе с переборками по частям. Лучи проходили сквозь тела — от человека оставалась только кучка пыли и налет на полу. Мы старались спастись и прыгнули вслепую. Мой фрегат шел на фланге боевого построения и это спасло нас. Когда разгонялись для прыжка мы увидели, как «Наковальня» взорвалась...

— Стоп, — Тоцкий резко подался вперед. — Взорвалась? Вы же утверждали, что весь металл бесследно исчезал.

— Реактор! — Зорг опередил своего капитана. — Инженер «Наковальни» успел перегрузить активную зону перед тем, как луч добрался до основного реактора. Они взорвали собственный корабль. Тогда случилось что-то странное: то, чего мы не ожидали...

Голицын невольно затаил дыхание.

— Продолжайте, Зорг. Каждое слово под протокол.

— Вспышка чистой аннигиляции была запредельной мощности. Мы уже закачивали разгон, но кормовые регистраторы успели зафиксировать все что произошло. Всплеск энергии оказался столь сильным, что защитное поле пришельцев на мгновение порвалось. Оно стало хаотично мерцать, как неисправная голограмма. И черная монолитная структура их корпуса... она изменилась. Гладкая поверхность пошла буграми будто язвами, став похожей на гнию-

щее мясо больного животного, перемешанное с кристаллами битого стекла. Излучение объекта стало нестабильным.

Инженер резко замолчал, судорожно глотая холодный воздух.

— Взрыв реактора сломал их ритм... Я не знаю, как выразиться. Думаю, враг не погиб, но подвергся глобальным изменениям. А затем мы ушли в прыжок.

Клавец решительно подошел к панели интеркома.

— Лейтенант, это полковник Клавец. Немедленно доставьте в допросную логи бортового искина захваченного фрегата. Мне необходимы полные данные по сенсорным системам всех типов на момент боестолкновения с неизвестной расой. Каждую миллисекунду записей до момента прыжка!

— Марис, ты что задумал? — тихо спросил Виктор.

— Я хочу увидеть это изменение на графиках, Вик. Если точечный взрыв антиматерии заставил их физическую структуру поплыть, значит, у нас появилась зацепка. Нам нужны данные для начала анализа. Думаю, господин майор со мной согласится. Сейчас недостаточно одних слов...

Тощий кивнул и отключил внешние микрофоны и динамики в камерах арестантов.

— Если аварцы правы, и высокая концентрация энергии дестабилизирует их форму, то это меняет правила игры. Они не бессмертны. Они просто слишком жестко структурированы. Взрыв реактора — это абсолютный хаос, который их

структура не способна поглотить мгновенно.

Голицын задумчиво потер подбородок.

— Изменился... — негромко пробормотал он. — Зорг сказал, что враг изменился, а не разлетелся в пыль. Значит ли это, майор, что мы просто сумели содрать с него внешнюю защиту?

Массивная дверь в допросную бесшумно открылась. Дежурный офицер связи внес стопку кристаллических накопителей.

— Сэр, данные с фрегата расшифрованы. Логи бортового журнала перед вами.

Марис Клавец быстро выхватил накопители.

— Глеб, Виктор, идемте к главному терминалу. Сейчас мы увидим, как выглядит эта жемчужина и может поймем, как сделать ей по-настоящему больно.

Экипаж аварского фрегата, оставшись в давящей тишине изолированных камер, еще не знал, что их пережитый ужас стал первой нитью в руках людей, отчаянно пытающихся распознать лик собственной гибели. Аварцы описывали крах своего мира, а люди за бронированным стеклом уже выискивали в этом крахе крупницы информации, чтобы нащупать слабое место нового врага.

Глава 15. Протокол Константа.

Воцарившийся полумрак допросной усиливал мрачное настроение собравшихся, но никто не вспомнил, что можно включить освещение лишь отдав команду искину голосом. Источником света служил огромный голографический стол и свет, приходящий через бронестекло из камер с арестантами. Над матовой поверхностью стола вращалось объемное тактическое облако — трехмерная модель боя в системе Орикс. Эти данные, извлеченные памяти искина аварского фрегата, имевшего повреждения кластеров, оставались последним документальным подтверждением трагедии. Они доказывали: Содружество больше не занимает вершину технологической пирамиды в известной части галактики.

Трое мужчин в форменных комбинезонах военнокосмических сил стояли перед терминалом. В неоновом мерцании их лица казались восковыми масками, а каждый шрам на лице полковника Голицына выглядел глубоким каньоном. После фильтрации поврежденных кластеров им удалось извлечь интересующие данные. Логи сенсорных систем сохранились почти целиком, хотя частичной потери массивов избежать не удалось. На удивление, сохранились и данные с других кораблей эскадры, так как их искины были увязаны в тактический кластер во время сражения. Правда, не в полном объеме. Тут уже были потери данных из-за повреждения

кластеров памяти.

— Искин, замедлить воспроизведение в двести раз, — скомандовал Клавец. Его механическая рука уверенно легла на сенсорный трекбол. Внутри протеза тихо завывали сервоприводы, вторя напряженному ожиданию офицеров. — Выдели спектральный диапазон излучения в момент детонации реактора крейсера.

Экран терминала заполнили рваные, скачущие линии. На голограмме гигантская туша тяжелого крейсера окуталась ослепительным саваном аннигиляционной вспышки. Время развития миниатюрной звезды из аварского крейсера не превышало секунды. Но в замедленном воспроизведении офицеры видели, как фронт плазменного огня медленно наползает на одну из черных сфер – корабль чужаков.

— Смотрите сюда, — Тощий указал на график под моделью вражеского корабля. — В момент касания фронта пространства взрыва поверхности сферы её невидимый до этого щит не просто проявился, было видно, как он прогибается, входя в диссонанс.

Ровная синусоида стабильного поля внезапно превратилась в хаотичный частокол пиков.

— Частота взлетела до терагерцовых значений, — пробормотал Виктор Голицын, щурясь на бегущие цифры. — Они не смогли поглотить столько хаотичной энергии и получили перегрузку. Их корабль не может успешно противостоять всплеску хаоса.

— Именно, — кивнул Глеб. — Их технология — абсолютный порядок. Но взрыв антиматерии — это разрушение основ. Взгляните на визуализацию корпуса.

То, что они увидели заставило даже бывалого Голицына непроизвольно сглотнуть накативший ком, а Клавец рефлекторно сжал кулаки. Угольно-черное покрытие, казавшееся незыблемым, пошло глубокими трещинами, из которых брызнул ослепительный фиолетовый свет. Под обшивкой на долю секунды промелькнуло хитросплетение сухожилий, пульсирующих сосудов и кристаллических граней, напоминающих внутренности исполинского существа. Обнажилась судорожно сжатая биомеханическая ткань — сплав сочащейся сукровицей плоти и мириадом острых, как бритва, металлических кристаллов.

— Он пытался впитывать энергию самого взрыва, чтобы залатать эти пробойны, — Клавец ударил протезом по столу так, что проекция на секунду мигнула. — Но хаос чужд их природе, и у корабля не получилось. Посмотрите на векторы излучения после вспышки. Поле схлопнулось — не выдержало резонанса. Он действительно изменился во время взрыва.

— Они — доведенный до совершенства порядок. Я бы назвал этих пришельцев Константой, — Тоцкий медленно покачал головой, вглядываясь в затухающие всплески. — Обратите внимание: вся запись длится пятьдесят миллисекунд. Дальше графики обрываются, потому что фрегат ушел в гиперпространство до того, как спало плазменное облако.

Мы видим, что защитный барьер захлебнулся первозданной энергией хаоса. Но что произошло со сферой дальше, когда плазма рассеялась — восстановилась она или погибла, — мы не знаем. Хотелось бы получить на это ответ...

Голицын тяжело оперся руками о край стола. В его свинцовых глазах загорелся мрачный огонь.

— Эти пятьдесят миллисекунд уязвимости у нас есть, майор. Мгновение, за которое этот космический кошмар можно попробовать разорвать в клочья обычной кинетикой или направленным плазменным залпом. Враг уязвим. И это уже что-то.

— Но цена этой уязвимости — целый тяжелый крейсер, — сухо парировал Клавец. — Чтобы лишить защиты две сферы, потребовалось уничтожить тяжелый крейсер. У нас просто нет такого количества лишних вымпелов, Вик, чтобы превращать их в брандеры и разменивать эскадру на один корабль.

— Нам стоит их допросить, — Глеб выпрямился. — Личные свидетельства будут хорошим дополнением в понимании того, что зафиксировал искин в момент вспышки. Автоматика часто отсеивает оптические данные как системный лаг. Человеческое восприятие устроено иначе. Каль управлял кораблем напрямую через нейроинтерфейс, и его мозг мог уловить те детали, которые машина посчитала несущественными.

Они повернулись к разделявшему допросную бронестек-

лу. Капитан Каль сидел в той же позе, уперев взгляд в одну точку на серой поверхности непрозрачного бронестекла. Тоцкий вывел трансляцию изломанных графиков на инфотерминал, вмонтированный в стол перед аварцем.

— Капитан Каль, посмотрите на экран, — мягко, но настойчиво произнес Тоцкий в микрофон. — Это телеметрия вашего фрегата. Секунда 75.12 после начала контакта. Вы видите этот всплеск? Этот разрыв в поле противника? Что вы видели и ощущали в этот момент?

Каль медленно повернул голову, словно его шея заржавела за время прибывания в камере. Его глаза, расширенные от введенных стимуляторов, сфокусировались на пульсирующей кривой. В служебном помещении допросной стало так тихо, что было слышно мерное шипение воздухопроводов вентиляции. Понимание уязвимости врага на фоне осознания собственной трусости ввергло аварского капитана в ступор. Эта буря эмоций отразилась в его глазах за долю секунды.

— Что вы почувствовали в этот момент, капитан? — спросил Виктор. — Вы говорили, что он изменился. Что именно вы увидели?

Зрачки аварца начали мелко дрожать. Лицо стало мертвенно-белым, а по скулам покатился холодный пот. Сознание не выдержало одновременного давления пережитого шока и неожиданное осознание того, что он бросил своих сослуживцев, не попытавшись добить раненного врага.

— Это... это не ломается... — прошептал Каль. Его голос

внезапно потерял свою хрипоту, став тонким и высоким, как у маленького ребенка. — Это нельзя сломать... Это просто... музыка. Красивая, бесконечная музыка.

— Какая музыка, Каль? Сосредоточьтесь! — голос Клавеца был полон ярости. — Вы видели внутреннюю структуру? На что она похожа?

Но капитан больше не слышал. Он протянул дрожащую руку к терминалу, пытаясь коснуться графиков пальцами, словно хотел погладить светящуюся линию. На его губах появилась странная, блаженная улыбка.

— Мама... — вдруг отчетливо произнес он на родном для себя языке. — Смотри, какие яркие ленты. Они поют. Мы пойдем сегодня в сад? Там, где красные кусты... Помнишь, ты обещала, что сегодня будет праздник.

Голицын нахмурился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Это не походило на симуляцию — разум Каля запустил аварийный сброс памяти и заперся в иллюзорном мире детских воспоминаний.

— Каль, вернитесь к нам! Нам нужна информация! Вы же офицер Халифата!

Аварский капитан медленно повернул голову в сторону бронестекла, разделявшего допросную. Он смотрел прямо на Виктора, но в его глазах не было ни страха, ни осознания реальности. Это был пустой взгляд человека, который ушел в такое глубокий внутренний мир, куда не может проникнуть ни реальность, ни голос следователя.

— В саду тепло, — тихо произнес он, и его голос дрожал от искренней радости. — Там нет тишины. Там поют цветы. Мама сказала, что, если я буду хорошо себя вести, мне купят деревянного скакуна. Вы видели его? Он такой быстрый, с белой гривой...

Тоцкий нажал кнопку вызова дежурного:

— Это следователь Тоцкий. Срочно в допросную номер один. Психический срыв. Потеря связи с реальностью.

Через минуту в камеру вбежали врачи. Капитан Каль не сопротивлялся, когда они начали вводить ему седативное. Он продолжал улыбаться, что-то тихо лепеча о красных кустах и деревянном скакуне. Его тело обмякло в кресле-фиксаторе, лицо оставалось безмятежным, он наконец-то нашел выход из затянувшегося кошмара.

Медик-психолог, моложавый, слегка полноватый мужчина с усталым взглядом, подошел к обзорному стеклу через десять минут, когда Каля уже вывезли из камеры на гравиносилках.

— Что с ним? — коротко спросил Тоцкий. Его голос звучал глухо.

— Ретроградный амнезийный синдром, — врач вздохнул, снимая перчатки. — Вы пережали, господа. Личность не выдержала столкновения двух реальностей: пережитого ужаса и того давления, что вы, господа, оказывали, Мозг пациента просто отгородился от реальности. Выходит, что человеческий организм физически не способен выдерживать воздей-

ствие излучения, мы смогли зафиксировать. Нервная система выгорела от перегрузки. По первичному анализу нейросеть условно работоспособна, но с неё данные не получить — все связи выгорели.

— Когда мы сможем продолжить? Он восстановится? Как я понимаю, о ментоскопировании можно забыть? — поинтересовался Тоцкий, не отрывая взгляда от пустого кресла в камере.

— Как капитан аварского флота — скорее никогда, — док покачал головой. — Для него война закончилась. Теперь он — шестилетний ребенок, ждущий маму в саду на далекой планете, которая была его родиной. Он стер последние шестьдесят лет своей жизни, чтобы не сойти с ума окончательно. И да, вы все правильно поняли, ментоскопирование в данном случае ничего не даст. Даже если удастся выгрузить его воспоминания каким-то необъяснимым способом, то вы все равно не сможете упорядочить массив данных.

Медик ушел. Голицын молча смотрел на пустую камеру. График на столе за его спиной продолжал пульсировать, показывая момент взрыва — крохотную надежду на победу, которая стоила капитану Калю рассудка.

— Значит, мы остались один на один с этими цифрами, — тихо произнес Клавец, глядя на свой протез. — Эта ваша Константа сводит с ума даже тех, кто просто на них смотрит при замедленной съемке. Что же будет, когда мы столкнёмся с ними лицом к лицу?

— Мы научимся использовать эти пятьдесят миллисекунд хаоса, полковник Клавец, — Глеб подошел к столу и выключил проектор. Тьма в допросной стала гуще. — Иначе мы все закончим в красных садах нашего прошлого или исчезнем. Нам нужно заставить говорить аварского инженера.

Голицын молчал. Он думал об своем эсминце, о своих людях, которые сейчас в доках проводят ремонт, и о том, что скоро ему придется вести их в да сражения с этими непонятными кораблями. Шепот Константы в его голове стал чуть громче, но теперь в нем слышалась не только угроза, но и едва уловимая фальшивая нота, возникшая во время просмотра записи боя аварской эскадры. Фальшивая нота в идеальной музыке.

— Док прав, покой — это роскошь, — наконец сказал Голицын. — Зорг будет говорить. Мы найдем способ ударить по этой структурированности так, чтобы они оглохли от собственной музыки.

Они вышли из сектора допросов. Станция продолжала жить своей суетливой жизнью, а в глубоком трюме захваченного фрегата бортовой компьютер продолжал хранить записи о том, как черная сфера на долю секунды превратилась в шар кровотокающей органики под ударом антиматерии.

Глава 16. Абсолютное табу.

Глеб подошел к пульту и активировал протокол шифрования. Одним прикосновением к сенсору он присвоил логам боя в системе Орикс высший гриф секретности — «Альфа». Проекционный стол коротко мигнул, гася синее тактическое облако. Кубрик погрузился в давящую темноту.

— Всё, — Тоцкий повернулся к спутникам, убирая датапад во внутренний карман куртки, накинутой поверх форменного комбинезона. — Телеметрия «Наковальни» заблокирована. Любая попытка скопировать или вынести эти данные будет расценена Комитетом Внешних Угроз как измена человечеству.

Марис Клавец тяжело вздохнул. Его механическая рука с тихим жужжанием сервоприводов опустилась на спинку кресла.

— Ты поступаешь правильно, майор. Если эта информация разойдется по Фронтиру, паника сожрет станции быстрее черных сфер. Люди увидят, что эскадра регулярного флота Халифата растаяла как первый снег. Но что нам делать с этими пятьюдесятью миллисекундами? Взрывать крейсера на антиматерии при каждой встрече с Константой — это не стратегия. Это капитуляция с отсрочкой.

Виктор Голицын, до этого неподвижно стоявший у стены, медленно шагнул к центру рубки. В полумраке его свинцо-

вые глаза казались бездонными.

— Нам нужна не антиматерия, Марис, — негромко произнес он. — Нам нужен первозданный хаос. Взрыв реактора «Наковальни» пробил щит Чужаков не потому, что он был мощным. Щит Константы с легкостью впитал плазму наших орудий и вольфрам рельсотронов. Он захлебнулся хаотичным грязным излучением. Аннигиляция — это мгновенный, непредсказуемый распад материи на субатомном уровне, под который их жёстко выстроенная структура просто не успела приспособиться.

— И к чему ты клонишь, Вик? — нахмурился Клавец.

— К тому, что у Содружества было оружие, способное породить еще более грязный, нестабильный хаос, — Голицын в упор посмотрел на Тоцкого. — Оружие на основе древней энергии ядерного распада тяжелых изотопов. Старый, добрый уран и плутоний.

В кубрике стало так тихо, что отчетливо слышался свист станционной вентиляции. Лицо Глеба окаменело.

— Полковник, вы понимаете, что сейчас произнесли? — голос майора стал ледяным. — Ядерное оружие находится под тотальным, абсолютным запретом. Это фундаментальный закон Содружества. За одно лишь хранение расщепляющихся материалов полагается смертная казнь через дезинтеграцию. Без права на апелляцию.

— Этот запрет ввели всего полтора века назад, майор, — жестко парировал Голицын, сделав шаг навстречу следова-

телю. — По меркам галактики — вчера. Ввели после того, как центральные миры едва не сожгли друг друга. Вы испугались радиации и закрыли эту ветку технологий. Но я вырос там, в диком мире под названием Земля, застрявшей в своем ядерном веке. На планете, которая сорок лет балансировала на грани уничтожения, но именно благодаря ядерному паритету избежала самоуничтожения. Я знаю, как работает атом. Ядерный взрыв — это чудовищный электромагнитный импульс, это миллиарды активных изотопов, излучающих во всех мыслимых спектрах, цепочки хаотического распада, которые длятся десятилетиями. Это абсолютный энергетический хаос, который даст нам шанс. Константа — это монументальный хрустальный замок, построенный на идеально выверенном порядке. Так давайте забросаем их навозными кучами.

— Это военное преступление, Голицын! — Клавец сорвался на крик, ударив протезом по металлическому ободу стола. — Опомнись! Если кто-то узнает, что на «Рубеже-12» заговорили об уране, нас всех распылят на атомы до того, как Чужаки доберутся до сектора!

— А если мы этого не сделаем, нас распылит Константа, — отрезал Виктор, даже не повернувшись к другу. Его взгляд по-прежнему был намертво прикован к Тощкому. — Майор, вы аналитик. Вы видели, как выгорел мозг Каля. Наши силовые щиты и многослойная броня для них — просто пшик. Вы готовы пойти на плаху ради слепого соблюдения

закона, когда на кону стоит выживание человечества?

Тоцкий долго молчал. Его пальцы судорожно сжимали край стола. Внутри аналитика шла жестокая ментальная битва. Весь его опыт, вся многолетняя выучка Комитета требовали немедленно арестовать Голицына за призывы к нарушению Абсолютного табу. Но логика цифр кричала о том, что полковник прав.

— Содружество огромно, — наконец тихо произнес Глеб. — Память искинов и архивы чистили тщательно. Но на окраинах Фронтира, на заброшенных военных базах вековой давности еще дрейфуют мертвые остовы. И в их трюмах могут оставаться ядерные боеголовки. Их просто забыли или не смогли утилизировать.

Голицын расплылся в довольной ухмылке — всегда приятно быть правым и получить поддержку оппонента.

— Вот об этом я и говорю, майор. Мне не нужен промышленный синтез. Мне нужны старые склады.

— Я не обещаю ничего, полковник, — Тоцкий поднял глаза, и в них больше не было штабной осторожности. — Я сделаю закрытый запрос в секретные исторические архивы Комитета через каналы адмирала Уэсткота. Но сперва нам нужно техническое подтверждение. Идемте поговорим с Зоргом.

Пять минут спустя офицеры вошли в допросную комнату. Инженер аварского фрегата Зорг сидел в кресле-фиксаторе, испуганно втягивая голову в плечи. Он видел, как выносили

его капитана, и теперь его била крупная дрожь.

— Инженер Зорг, — Тоцкий сел напротив пленника, не включая инфотерминал, чтобы не спровоцировать приступ. — Ваш капитан больше не сможет говорить. Вся ответственность за выживших людей вашего фрегата лежит на вас. Мы хотим получить от тебя информацию о структуре чужих кораблей. На какой основе, по твоему мнению, работает их защита?

Зорг судорожно сглотнул, магнитные наручники на его запястьях мелко звякнули.

— Я думаю, их поля — это что-то по типу упорядочивающего фильтра, — прохрипел он, преданно глядя на следователя. — Наш бортовой компьютер перед прыжком успел провести экспресс-анализ. Защитная оболочка сфер пришельцев действует по принципу абсолютной синхронизации. Любая энергия — лазерный луч, плазменный сгусток или кинетический удар — раскладывается их полем на составляющие частоты и мгновенно перенаправляется внутрь для регенерации и питания. Их поле — это идеальный математический алгоритм.

— Что, по-твоему, произошло в момент детонации реактора «Наковальни»? — спросил Голицын, подавшись вперед.

— Алгоритм захлебнулся! — лихорадочно воскликнул инженер. — Взрыв антиматерии породил колоссальный частотный шум. Первичный поток энергии был настолько

мощным с примесями «грязных» частот, что их фильтр просто не смог распределить эту энергию по своей структуре без ущерба. Системная ошибка, которую не получилось мгновенно исправить. Поле вошло в резонанс и схлопнулось. Защитная корка поплыла. Если бы в этот момент по ним ударили ракетами... мы бы, наверное, разорвали эту тварь! Но у нас не было времени, мы ушли в гиперпространство...

Голицын и Тоцкий переглянулись. Техническое объяснение аварского инженера превосходно легло на теорию полковника.

— Значит, их защита бессильна против энергетического хаоса, — резюмировал Глеб, делая мысленную пометку в архивах нейросети. — Чем грязнее и непредсказуемее структура взрыва, тем дольше их алгоритм будет находиться в состоянии системного сбоя.

— Именно! Именно так, господин офицер! — закивал Зорг, в чьих глазах впервые блеснула надежда. — Им нельзя давать чистую энергию. Для противодействия необходимо то, что принципиально невозможно упорядочить!

Голицын медленно поднялся со своего места.

— Спасибо, инженер. Вы очень помогли. Лейтенант, увести пленного в его камеру. Обеспечить ему повышенный паек и полный покой.

Когда Зорга вывели, Виктор повернулся к офицерам. Напряжение уступило место холодному, расчетливому плану. Они переступили черту. Полковник Голицын совершил пер-

вый шаг за рамки незыблемых законов Содружества, и майор Тоцкий стал его молчаливым соучастником.

— Ну что, Марис, — Виктор хлопнул Клавеца по плечу. — Линейные схемы отменяются. Нам понадобятся старые ядерные игрушки. Глеб, жду информации из ваших архивов. Время пошло.

Они разошлись каждый по своим делам, обдумывая полученную информацию. Люди, шедшие по станционным коридорам, теперь несли в себе знание, способное либо спасти эту галактику, либо навсегда сжечь ее в очищающем пламени запрещенного атома.

Глава 17. Миг любви.

Лайнер «Звезда Небосвода» мерно прошивал пространство, приближаясь к Столичной системе империи Аратан. Внутри этого колоссального кокона из стали и композитов время словно утратило свое линейное значение, сжавшись до размеров роскошной каюты Дина. Внешний мир с его политическими интригами, промышленными гигантами и пугающими сводками перестал существовать, вытесненный ароматом разгоряченных тел и шепотом, который казался громче рева дюз.

Будущий кадет Академии решил прожить оставшиеся дни свободы так, чтобы воспоминаний о них хватило на все предстоящие годы суровой муштры. Его роман с Силицией, начавшийся как легкое знакомство во время первого этапа перелёта, на борту «Звезды Небосвода», вспыхнул с новой дурманящей силой. Девушка, казавшаяся в начале знакомства скромницей, оказалась страстной, ненасытной и чувственной любовницей, чья внутренняя свобода шокировала и восхищала одновременно.

Они практически не покидали каюту. Весь мир для них теперь ограничивался шелком простыней и приглушенным янтарным светом ламп. В золотистом полумраке кожа Силиции казалась матовым фарфором. Дин не мог налюбоваться тем, как тени и свет играют на её теле, когда она медленно,

с дразнящей неспешностью, сбрасывала с плеч тонкие бретельки платья.

Их близость была яростной и отчаянной, словно они пытались надышаться друг другом перед долгим погружением в вакуум. Дин, чье тело было закалено годами тренировок, находил в Силиции достойного партнера. Она не просто принимала его ласки — она доминировала, уверенно диктовала ритм, заставляя его кровь закипать. Её руки исследовали каждый сантиметр его тела, задерживаясь на рельефных мышцах и вызывая волны приятных мурашек.

В один из вечеров, когда лайнер проходил мимо газовой туманности, Силиция настояла на том, чтобы они не включали свет, и каюту залило призрачное неоновое сияние. В этом инопланетном свете её синие глаза казались бездонными колодцами. Она опустилась перед ним, медленно скользя руками снизу вверх, задирая футболку, и Дин почувствовал, как жар её дыхания обжигает кожу. Каждое её движение было наполнено томительной грацией. Когда её губы коснулись его, реальность растворилась.

Они сплетались в тесных объятиях, кожа к коже, чувствуя каждое движение, каждый сбитый вдох. Силиция выгибалась под ним, её ногти оставляли глубокие борозды на его спине — отметины, которые он будет носить под армейским кителем как тайное напоминание об этих ночах. Она шептала ему дерзкие, откровенные слова, от которых по телу пробегал электрический разряд, и направляла его. Дин входил в

неё мощно и глубоко, чувствуя, как она крепко сжимает его бедрами, привлекая к себе.

Лишь изредка, когда потребность в свежем воздухе становилась невыносимой, они выбирались на верхнюю палубу. Дин в кожаной куртке, наброшенной прямо на обнаженный торс, и Силиция в легком струящемся платье стояли под чернотой раскинувшегося космоса с мелкими искорками колючих звезд, накрытые невидимым куполом смотровой палубы. Дин чувствовал, как рука девушки скользит под его куртку, пробегая тонкими пальчиками по его торсу, напоминая, что даже в холодном космосе есть место для жарких моментов.

Именно в эти минуты затишья, когда они пили охлаждённое вино, Дин узнал о Силиции больше. Оказалось, что она не просто дочка провинциального служащего. Она была блестящим математиком, чьи способности позволили ей выиграть грант на обучение в Столице. Её ждал навигаторский колледж при Академии — элитное заведение для гражданских специалистов, где готовили тех, кто управляет не кораблями, а самой тканью пространства через расчет векторов гиперперехода.

— Значит, мы будем в одном комплексе, — шептал Дин, притягивая её к себе и чувствуя, как шелк её платья соскальзывает, обнажая плечо. — Ты будешь прокладывать курсы через червоточины, а я — вести по ним эсминцы.

— Может потом... На военные корабли не берут граждан-

ских навигаторов, — грустно улыбалась она, целуя его в подбородок. — Говорят, кадетам первого года запрещено даже смотреть в сторону женского корпуса.

— Пусть попробуют запретить мне смотреть на тебя, — рыкнул он, снова увлекая её к лифту, ведущему в их убежище.

Последняя ночь перед прибытием стала кульминацией их безумия. Они не спали ни минуты. Силиция была ненасытна, зная, что этот запас нежности должен будет питать её долгие месяцы одиночества. Она заставляла Дина пробовать новое и переходить все грани приличия. Казалось, её фантазия была безграничной, а тело откликалось на каждое его движение с дикой чувствительностью. В какой-то момент Дин почувствовал, что готов раствориться в ней окончательно, лишь бы этот миг не заканчивался.

Прибытие круизного лайнера к терминалу орбитального лифта Столицы они встретили в постели. «Звезда Небосвода» мягко уперлась в струи маршевых двигателей, выполняя маневр торможения, и по корпусу прошла вибрация, отозвавшаяся в их телах. Дин в этот момент нависал над Силицией и пот капал с его лба на её вздымающуюся грудь. Они продолжали свой последний забег, игнорируя сигналы бортового искина о начале стыковки и нарастающий шум за переборками каюты.

Когда всё закончилось, они лежали в полном изнеможении, слушая, как глухо гудит станция, принимающая их ко-

рабль. Горечь разлуки навалилась мгновенно, тяжелая и холодная, как вакуум.

— Я найду тебя, — произнес Дин, вглядываясь в её покрасневшее лицо. — Слышишь? Даже если мне придется поднять мятеж в Академии.

Силиция молча притянула его к себе для последнего, долгого поцелуя, в котором чувствовался вкус соли от слез и терпкость их страсти.

Глава 18. Фронтир в неоновых огнях.

Система под контролем пограничной станции «Рубеж-12» была местом, где цивилизация Содружества не обрывалась, а размывалась грязным пятном. Багровое солнце, красный гигант, заливало обитаемые объекты тревожным медным светом. От этого металл обшивки казался раскаленным, хотя за бортом царил холод вакуума.

В кают-компании старших офицеров станции «Рубеж-12» военная строгость пыталась имитировать домашний уют. Стены были обиты темными синтетическими панелями под дерево, на полках стояли модели кораблей, а в центре располагался массивный стол. За столом сидели трое: полковники Голицын, Клавец и майор Тоцкий. На столе был сервирован превосходный ужин запеченное мясо тура, рагу из консервированных овощей и бутылка бренди, ставшего спутником их тайного союза.

Голицын сменил форменный китель на потертый полевой комбинезон космодесантника. Он выглядел спокойнее, чем днем, но в его движениях чувствовалась напряженность. Полковник молча резал мясо, пока Клавец разливал напиток.

— Послушайте, Глеб, — Виктор отложил нож и прямо по-

смотрел в глаза майора. — Твое присутствие здесь в роли инспектора финансового контроля — отличная ширма. Но сидеть в моих доках и считать заклепки на «Грозном» — пустая трата времени. Мои технари вылизали эсминец до блеска.

— Я и не ищу заклепки, Вик, — Тоцкий пригубил бренди. — Я ищу следы того, что не фиксируют приборы.

— Вот именно! — Голицын подался вперед. — На станции «Рубеж-12» все регламентировано. А на «Магистраль-Зеро» сотни кораблей в день: мусорщики, корпоранты и прочая шушера... Если Константа начала скрытое проникновение в наши системы или на окраинах всплыли артефакты, то искать информацию стоит именно там.

Клавец одобрительно кивнул. Его механическая рука издала короткий жужжащий звук:

— Вик прав, майор. «Магистраль-Зеро» — это сточная канава сектора, туда стекаются все слухи. К тому же расположенная в системе «Верфь-6» подчиняется гражданской администрации. Если ушлые старатели наткнулись на какие-то обломки и пытаются сбыть их налево — искать нужно на тайных аукционах. По легенде вы пойдете туда с инспекцией: проверка серийных номеров оборудования, поиск контрабанды. Ваша прямая обязанность.

Глеб задумался. Сидеть на военной базе и ждать окончания ремонта «Грозного» действительно глупо. Стоящая информация всегда бродит там, где есть деньги и риск.

— Логично, — согласился Тоцкий. — Если Константа действует методично, она должна была оставить след среди тех, кто постоянно рыщет по кладбищам Роя. Мусорщики — наши невольные разведчики. Если они пропадают чаще обычного или привезли странный хлам — я должен об этом узнать.

— Вот и договорились, — Клавец поднял стакан. — Завтра утром мой челнок доставит вас на «Магистраль-Зеро». Но будьте осторожны, Глеб.

На следующий день внутрисистемный челнок прогревал маршевые двигатели. Лёгкая вибрация передавалась на корпус. Маршрут пролегал от пограничного аванпоста в сторону сияющего неонем логистического хаба. Глеб Тоцкий устроился в пассажирском ложементе, проверяя на планшете детали легенды, когда входной люк внезапно замер и пополз вверх. В узкий проем ввалился Виктор Голицын.

Полковник был при полном параде. На груди тяжелым металлом поблескивали планки боевых наград, включая редчайший орден «За оборону Ориона». Скрывать статус Голицыну не имело смысла — в этом секторе его знал каждый встречный. Он выделялся в любой толпе, как древний линкор среди прогулочных яхт. Следом за ним в челнок юркнула молодая девушка в идеально подогнанной форме лейтенанта космодесанта.

— Решил составить тебе компанию, майор, — громыхнул Голицын, усаживаясь в соседнее кресло так, что оно жалобно

скрипнуло. — Эсминец в доках, технари ворчат под обшивкой. Подумал, прогулка до «Магистрали-Зеро» будет полезнее.

Тощий едва заметно улыбнулся. Он понимал, что присутствие полковника — это мощный административный таран.

— Рад компании, полковник. А это ваше усиление? — Глеб кивнул на девушку.

— Знакомьтесь, майор. Лейтенант Лера Савич, — представил Виктор. — Из моего десантного отделения. Девчонка смышленная, реакция как у мангуста. Ей можно доверять абсолютно. Она знает, что мы ищем следы контрабанды неизвестных технологий и любые слухи о странных исчезновениях в секторах.

Лера четко козырнула. Её красивое лицо украшал едва заметный шрам над левой бровью.

Челнок плавно отвалил от причального шлюза и устремился в пустоту. Глеб прильнул к обзорному иллюминатору. Перед его глазами развернулась панорама системы, застрявшей на стыке богатых минералами секторов Фронтيرا и лощеных «белых миров» Империи.

Позади осталась станция «Рубеж-12» — суровая, угловатая махина, похожая на ошетилившегося ежа. Она была щитом, но щитом старым, со следами былых сражений. По правому борту, в отдалении от военного аванпоста, на стабильной орбите вокруг четвертого планетоида висела станция «Верфь-6». Это небольшое специализированное пред-

приятие по ремонту гражданских судов никогда не пустовало: его доки были забиты разномастными суденышками всех мыслимых поколений и специализаций.

А впереди, стремительно увеличиваясь в размерах, по-лыхало настоящее сердце системы — колоссальная станция «Магистраль-Зеро». Окутанный сетью голографических рекламных щитов и лесами причальных мачт, этот логистический хаб сиял неоновым огнем, который пробивал багровое марево звезды. Глеб всматривался в это мерцание. Его аналитический ум, привыкший работать с большими объемами данных, просчитывал векторы новой угрозы.

«Если Константа — это утилизатор, — думал Глеб, — то такая станция для неё не объект политики. Это склад сырья. Огромная масса очищенных металлов и биоресурсов. Если удар придется сюда — система захлебнется за часы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.